

МИКАЕЛЬ НИЕМИ

Дамба

РОМАН

Микаель Ниemi

Дамба

«Фантом Пресс»

2012

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)

Ниemi М.

Дамба / М. Ниemi — «Фантом Пресс», 2012

ISBN 978-5-86471-870-4

Несколько месяцев север Швеции заливал нескончаемый дождь. От наводнения спасала огромная дамба, построенная с расчетом на самое худшее. Вот только никто не предполагал, что «самое худшее» окажется детским лепетом по сравнению с тем, что случилось. И однажды река Люлео подточила казавшуюся непреодолимой бетонную преграду и понеслась, сметая все на своем пути, разрушая дома, расшвыривая машины, подхватывая всевозможный людской скарб... и самих людей. Серая стена воды несется на героев романа: саама, давно променявшего традиционную жизнь на городскую; пилота вертолета, обдумывающего самоубийство; молодую женщину, только что узнавшую, что она ждет ребенка; рабочего электростанции, решившего, что наконец-то он покажет всем этим бабам, чего стоит настоящий мужик; одинокую художницу-любительницу, для которой река всегда была отрадой... Мозаика трагических (а порой и слегка комических) историй складывается в большую драму, которая навсегда изменит не только ландшафт, но и судьбу каждого из героев.

УДК 821.113.6

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-86471-870-4

© Ниemi М., 2012
© Фантом Пресс, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	43
Глава 17	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Микаель Ниemi

Дамба

И вот, я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни под небесами: все, что есть на земле, лишится жизни.

Книга бытия 6:17

И из засады хлынула вода, неся с собой страдания и гибель.
Антти Кекси, баллады, XVII век

И что ты будешь делать с машиной и домом?
Пенс Перссон

Mikael Niemi
Fallvatten

© Mikael Niemi, 2012

Книга издана при содействии Hedlund Literary Agency and Banke, Goumen & Smirnova
Literary Agency, Sweden

© Сергей Штерн, перевод, 2021

© “Фантом Пресс”, издание, 2021

Глава 1

Адольфу Паввалю предстоял очень трудный день. Настолько трудный, что он даже вообразить не мог, что он окажется таким трудным.

Но пока он этого не знал и чувствовал себя превосходно. Хотя нотка лирической грусти все же присутствовала. Особенно когда вывел из гаража своего любимца и главного кормильца – “сааб 9000 лимузин” с тонированными стеклами. Водительское сиденье – мечта, как в каком-нибудь “ламборгини”. Словно бы отлито по слепку не с чьей-то среднестатистической, а именно с его, Адольфа Павваля, спины. Как материнская матка. А чего стоит черная, матово поблескивающая телячья кожа! Проведи рукой – и другое слово на ум не приходит: элегантность. Классическая элегантность. Более того, изысканная. Изысканная элегантность. Кладешь руки на штурвал... Язык не поворачивается назвать баранкой – именно штурвал. Кладешь руки на штурвал – и ты уже одно целое с машиной. Собственно, вот это внезапно возникшее чувство полного слияния и подвигло его решиться на тот кредит.

А сейчас он ехал по местам своего детства, несколько миль¹ к западу от Йелливаре, по одному из самых больших в Европе заповедников дикой природы. Довольно узкая местная дорога, на которую он недавно свернул, тщеславно именовалась Дорога на Запад, но он-то, Адольф Павваль, ехал как раз в противоположном направлении – на восток.

Он провел ночь в своей коте² в Кирьялуокта, жег хворост, варил кофе и прислушивался к внутренней жизни – ждал, пока выветрится из души многоголосая суета Лондона. Друзья называли такое времяпрепровождение *поехал подзарядить аккумулятор*. Он не спорил, но был уверен, что все наоборот. Он не заряжал аккумулятор, а разряжал. Дождался, пока угаснет эхо мощной и недоброй энергии, сочащейся чуть ли не из каждого камня огромного города. Отмыть душу, долго, ни о чем не думая, смотреть на сверкающие жгуты родника. Утолить сосущую тревогу из последнего на Земле источника с настоящей питьевой водой.

Мягкий поворот штурвала – и машина вплыла в ячейку довольно неожиданной в этом лесном краю парковки. Капот лимузина высунулся за черту не меньше чем на полметра – какая разница? На парковке, кроме его “сааба”, ни одной машины. Высокие ели в бахrome лишайника, никогда не просыхающий мох, кое-где торчат похожие на черепа округлые сливочно-желтые камни.

Он неторопливо отстегнул ремень, открыл дверь и, помедлив, покинул уютный кокон салона.

Дождь. Почти незаметный. То ли дождь, то ли туман. Ничто на голову не капает, но воздух перенасыщен влагой. Подошел к придорожной канаве и потянул молнию на ширинке. Заметил в канаве пустую банку из-под кока-колы и поводит по ней струей. Представил себя художником, накладывающим на холст уверенные мазки. Потом попытался попасть в отверстие с приоткрытым алюминиевым клапаном – и не попал. Напора не хватило.

Небесная передышка, как он и ожидал, продолжалась недолго. Дождь усилился. Адольф достал термос со сваренным на арабский манер кофе. Черная горячая жидкость сразу принесла ощущение легкости. Наверное, мотор чувствует нечто похожее, когда заливаешь чистое масло. Никакого сравнения с фильтрованным кофе, который продают на заправках в бумажных стаканчиках. Пластиковая крышка с отверстием; должно быть, предполагают, что ты собираешься пить эту бурду за рулем: вираж – глоток кофе. Еще вираж – еще глоток. И ведь приходится

¹ Шведская миля – 10 километров. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Кота* – традиционное зимнее саамское жилище, невысокое бревенчатое строение с четным количеством граней от 4 до 6, в форме усеченной пирамиды.

пить... унизительно, конечно, но куда денешься? В городе деньги. Еще несколько лет – и все. Можно начинать жить.

За этими размышлениями Адольф Павваль неожиданно услышал шум. Сначала решил – грузовик. Тяжелый натужный вой груженой фуры. Или дождь усилился... но нет. Не усилился. Как шел, так и идет. Адольф удивленно завертел головой – непонятный шум все приближался. За поворотом закачались верхушки елей – с чего бы им качаться, ни ветерка... Он посмотрел в зеркало заднего вида.

От горизонта, подернутая по верхнему краю обрывками неизвестно откуда взявшихся белых облаков, поднималась грозовая туча. Но почему так быстро? И цвет странный...

Нет, не туча. С горизонта с неправдоподобной скоростью катилась свинцово-бурая вспененная стена. За какие-то секунды она заняла полнеба, глотая по пути деревья, камни, кусты.

И только в эту секунду Адольф Павваль осознал опасность. Захлопнул дверь и лихорадочно повернул ключ зажигания, нажимая левой рукой на все четыре кнопки стеклоподъемников. Мотор исправно заурчал. Адольф вывернул руль и дал полный газ. Колеса с визгом пробуксовали, ища опоры, и лимузин рванулся с места. За спиной сгущалась тьма.

Глава 2

Винсент Лаурин сидел в своей конторе. “Контора”... Аккуратный деревянный сарай к северу от Порьюса, построенный четырнадцать лет назад. Жизнь тогда катилась как по только что сбитому маслу. Разделенная комната, за перегородкой туалет и маленькая кухонька. На фасаде большой щит с надписью *Helitours* – вертолетные экскурсии. Четырнадцать лет Винсент зарабатывал, доставляя туристов к самым отдаленным горным озерам и тайным форелевым ручьям. Осенью приходила очередь охотников на куропаток. И конечно, саамы – маркировка оленей, забой. То и дело надо кого-то подбросить на летнее пастбище. Иногда приходится взлетать с тушей убитого лося, болтающейся под шасси. Свободная работа, свободная жизнь, свободные времена. И, если погода разрешает, – насладиться головокружительными видами. Мало кто представляет, как прекрасен его край с высоты птичьего полета.

Рекламный щит скоро снимут – этого потребовали адвокаты Хенни. Ну нет. Он вовсе не собирается стать свидетелем этого унижения. Скоро, очень скоро он отправится в свой последний полет – к горной цепи Порте. Представил вертикальную скалу, хруст ломающихся лопастей, себя самого в хрупком коконе стремительно несущейся вниз кабины. Ничего лучшего и не придумаешь. Прекрасный конец. Упасть с неба, как орел, как Икар. Несколько секунд ужаса... да, этих секунд не избежать. К сожалению, почти наверняка придется их пережить. И что? Несколько секунд ужаса, несколько секунд свободного падения между крутыми утесами – и все. Дальше тьма. Лампа погасла. Все, что останется, – склон горы, усеянный изуродованными обломками машины. Через несколько дней, никак не раньше, сюда доберутся парни в комбинезонах из комиссии по расследованию авиакатастроф. Будут карабкаться по склонам, искать причины, ключи к решению загадки. И что они найдут? Ровным счетом ничего. Никаких технических погрешностей, все системы вертолета работали нормально. В крови погибшего пилота ни капли алкоголя. Усядутся со своими термосами с кофе на каком-нибудь выступе скалы и начнут обсуждать – как же могло такое случиться? Что ж, бывает... на секунду отвлекся, потерял концентрацию, слишком близко подошел к скале. Надо же – именно он, с его-то опытом, с его-то мастерством...

Наверняка эти слова и будут произнесены на похоронах. Опыт, мастерство, тысячи летних часов в погоду и непогоду. “Небо было его домом”. И конечно, некрологи с фотографией. В “Норрландском листке” и в “Курьере”. И бесчисленные заметки, в том числе и в центральных газетах. “Известный пилот Винсент Лаурин погиб при аварии вертолета в горном массиве Порте. Вчера нашли тело, родственники поставлены в известность”.

Родственники.

Ловиса. Надо позвонить Ловисе.

Глухая пульсирующая боль во лбу, будто он только что, секунду назад, забил головой тот гол с великолепно поданного углового. Успел заметить растерянную гримасу на физиономии вратаря Нутвикена. Матч, конечно, любительский, но... сколько же лет прошло с тех пор? А сейчас... Многодневный, даже многомесячный недосып, часы непрерывных размышлений в слишком широкой двуспальной кровати, мучительное ожидание рассвета. Начинается новый день, а вчерашний еще не кончился. Только сон отличает их друг от друга, вот вчерашний, а вот уже сегодняшний. Но сна нет, а если не спишь, еще хуже – продолжается бесконечный день, поток, уносящий в бездну. Ни остановить, ни хотя бы задержать. Построить бы плотину в душе и закрывать на ночь. Дождаться желанной тишины.

Те считанные разы, что удается заснуть, – благословение Божье. Словно невидимая сестра милосердия кладет прохладную руку на пылающий лоб. Несколько коротких минут утешения – а потом рывком поднимаешься в постели, как пружина подбрасывает: что-то должно случиться. Будто охрипший старшина на зимних учениях ворвался, начал орать и трясти палатку.

Иногда надо переставать думать... но как это сделать? И как остановить реку? Как остановить фильм, поставить точку? Все, дальше я смотреть не хочу. Несколько минут, хотя бы несколько секунд того, что люди называют *умиротворением*. Иначе можно... да, по-иному не назовешь: можно сойти с ума.

Та же пульсирующая головная боль, в той же точке – над переносицей. Принять таблетку? Или выпить глоток аквавита? Сунуть голову в колодец и кричать, пока не полегчает? Господи, хоть бы что-то произошло... хоть что-то. Пусть что-то изменится, самую малость. Только не еще один такой же час, похожий на предыдущий, как тролли-близнецы.

Хенни, разумеется, не сдавалась, пока не забрала у него все. Дом он потерял. Откупиться? Да ему в жизни не удастся собрать такую сумму. Значит, продать. Ее адвокат скрипучим голосом разъяснил, будто гвоздем по доске процарапал: придется съехать, а дом продать. Машину поделить. Хочешь оставить за собой – плати. Мебель, компьютер, телевизор, летний домик. И напоследок самое страшное – фирма. Оказывается, половина фирмы принадлежит Хенни. Все, что он терпеливо, шаг за шагом выстраивал годами. Не надо погружаться в сложные расчеты, и так ясно: фирме конец. Придется закрыть. Он потеряет фирму, а фирма – его жизнь.

За окном нескончаемый дождь – ничего удивительного. Всю осень льет как из ведра. Рыбалка никудышная: вода в горных ручьях поднялась, как при весеннем паводке, мутная и быстрая – какой тут клев... Погода отпугнула даже обожающих эти края пеших туристов. Что за радость сидеть в мокрой палатке, если нельзя даже полюбоваться головокружительными видами горного севера? Горные пики, долины, ущелья – все скрыто низкими облаками и серой пеленой дождя.

Винсент Лаурин вышел из конторы. Вертолет на поляне проверен, заправлен – взлетай хоть сейчас. Посмотрел на реку: вода в Люлеэльвен и в самом деле стоит необычно высоко. Он не помнил такого осеннего паводка. Вся эта вода течет тысячи и миллионы лет, почему она никогда не кончается?..

Наверное, надо было снова начать курить. Держать в руке что-то теплое, тлеющий огонек. Какое-никакое общество.

Зашел под навес, вытащил мобильный телефон, посмотрел на дисплей и задумался. Ловиса... он должен услышать ее голос. В последний раз.

- Привет, это я.
- Папа! Разве ты не в полете?
- Почти. Сейчас вылетаю. А ты?
- Зубрю как подорванная. Скоро промежуточный зачет.
- Экономика? Или?..
- Принципы отчетности. А ты чем занимаешься?
- Стою на крыльце и смотрю на реку.
- Да, я слышала... уровень продолжает подниматься? Странно... Воду сбрасывают. Говорят, открыли чуть ли не все затворы.
- Все затворы?
- Для безопасности. На всякий случай.
- Ловиса... я хочу, чтобы ты знала...
- Что?
- Что я очень... очень рад, что ты у меня есть.
- Ой...
- Я... замечательно, что ты появилась на свет.
- Как ты хорошо сказал...
- Пусть у тебя все будет хорошо. Во всех отношениях.
- И у тебя, папа. Все будет хорошо... Папа?

Он торопливо нажал на кнопку отбоя. Обычно они так не разговаривали. Должно быть, решила – папа выпил. Неважно... когда узнает, вспомнит эти слова. Вспомнит и будет повторять: “Рад, что ты у меня есть”. Все же последние слова отца. Ловиса наверняка поймет: папа на меня не злился. Папа меня любил.

Глава 3

Ловиса Лаурин подержала в руке трубку, нажала кнопку и хотела было вернуться к конспектам и книгам, но задумалась. Наверное, зря... надо было поделиться новостью. Хоть они и договорились с Уле Хенриком пока помалкивать. Мало ли что может случиться? Надо подождать несколько недель, привыкнуть к чуду. Хотя к чуду вряд ли можно привыкнуть, на то оно и чудо. То, что привычно, – уже не чудо.

Стоп. Надо сосредоточиться.

Принцип преемственности, консолидированный отчет, в чем разница года отчетного и календарного...

Кухонный стол завален книгами, блокнотами, мандариновой кожурой. На видном месте календарь с собаками. Так называемый мультисенсорный метод занятий: чем больше стимулов, тем больше шансов, что знания зацепятся хоть за какой-нибудь крючок. Сначала быстрое чтение вслух на разные голоса. При этом подчеркнуть ключевые слова и фразы разноцветными неоновыми фломастерами. И мысленно сочетать новые понятия с чем-то приятным – например, вот с этим фото в календаре: свежестриженный белый пудель с любопытным черным носом. О правилах аудита хорошо напомнит черный лапландский оленегон: час назад пас оленей, а теперь обглодал косточку и отдыхает у очага, положив голову на лапы. Бедняга... после долгого путешествия на прицепе к снегоходу шерсть пропахла выхлопными газами. Особо малопонятные места можно отметить долькой мандарина и обязательно понюхать кожуру. Или откусить большой кусок перезрелого, уже не желтого, а коричневатого, пахнущего дрожжами банана. А когда уж совсем скверно, можно представить, как открываешь рюкзак и вдыхаешь целую симфонию запахов: дым костра, кожа, хвоя, масло, вяленая на весеннем солнце оленья шкура.

Боже, как трудно сосредоточиться... Теперь ей захотелось кофе. От рюкзачных ароматов прямая ниточка. Достать и развязать пакетик с молотым кофе, оглядеться, посмотреть на подернутые дымкой просторы, развести костерок...

Делать нечего – придется пить кофе. Вытряхнула в ведро уже подсохшую утреннюю гущу, налила воды и поставила кофейник на плиту.

Когда ждешь, вода не закипает очень долго. Она задумалась о телефонном разговоре. Отец стареет, это заметно. Молодец, что позвонил, хотя по голосу слышно, каково ему приходится. Мама, конечно, переборщила. Чересчур жестоко. Но и ему не стоит так переживать. Жизнь продолжается, нельзя зарываться в нору одиночества. Съездил бы куда-нибудь, развеялся, опять почувствовал вкус к жизни. Вылези же наконец из своего треклятого вертолета, папа! Ты скоро будешь дедом!

Зря она ему не сказала... хотя в таком случае обиделась бы мать. Почему это она узнаёт последней? Значит, отец тебе дороже?

Так и приходится все время маневрировать в болоте ненависти. Ощупью искать тропинку, чтобы не провалиться. Постоянно прикидывать, как бы одна чаша весов не перевесила.

Она положила двойную порцию кофе. Крепкий, никакого молока. Черная маслянистая поверхность с радужным отливом, будто сверху налита солянка. Кофеин подействовал быстро, мысли заработали полным ходом.

Почему он звонил? По какому делу? Сообщить, как он рад, что она у него есть, и все?... Больше он, кажется, ничего не сказал. Странно... Она не могла припомнить, было ли когда-то что-то подобное. Чувство тревоги росло с каждой минутой. Что-то явно не так. Совершенно точно – что-то не сходится.

Надо к нему подъехать. В его контору, как он ее называет. Сарай на берегу реки. Аккуратный, но сарай.

Глава 4

Последним супружеским подвигом Хенни Лаурин были сдобные булочки с солью. Сначала обычное тесто – молоко, масло, мука. Дала подойти, раскатала, посыпала корицей, смазала маслом и щедро посыпала солью – несколько горстей. Свернула в рулет, нарезала как обычно, положила в формочки, смазала яйцом. А сверху добавила еще соли. Крупная соль очень похожа на гранулированный сахар, тот, которым пользуются кондитеры. Поставила в духовку и не отходила, пока булки не стали именно такими, какими и должны быть – бархатистые, загорелые, с белыми аппетитными жемчужинками, только не сахара, а соли. Аромат свежесдобы распространился по всему дому, и тут же явился муж – с абсолютно бараньей физиономией.

– Ты что, булок напекла?

Будто сам не видит – вот же они, лежат на противне.

Ни похвалы, ни даже благодарности – ни слова. Ничего, что прибавило бы ей самоуважения.

Она поставила рядом с его чашкой булочки в облаке душистого пара. Ловиса потянулась было, но Хенни перехватила ее руку:

– Сначала папа.

Винсент откусил большой кусок. Успел даже зажмуриться от наслаждения, настолько силен и приятен был коричневый аромат. Но тут же физиономия его перекосилась.

– Какого черта... Хенни...

Он поискал глазами, куда бы выплюнуть. Ничего не нашел – пришлось в ладонь. Глаза округлились, отчего сходство с бараном стало еще более заметным. Эта дурацкая гримаса, этот тупой взгляд... Господи, что за смехотворное существо.

Ловиса переводила взгляд с матери на отца, никак не могла врубиться. Что происходит?

– *Good bye*, – сказала Хенни.

По-английски. Это была ее последняя реплика. Не заговаривала, просто так вышло. *Good bye. The end.*

Повернулась и пошла в гараж, где стояли заранее упакованные чемоданы. Заранее позвонила Эйнару, и тот уже ждал за углом в своем пикапе. Полминуты – чемоданы брошены в кузов. Винсент только появился в кухонном окне, а Эйнар уже включил скорость. Все как в голливудском фильме, даже последняя реплика.

– *Good bye*, – она пересказывала Эйнару всю сцену, и у того живот трясся от хохота.

У них похожее чувство юмора, у нее и у Эйнара. А Винсент начисто лишен этого товара. Если их семейная жизнь что-то собой и представляла, то веселой ее уж никак не назовешь. Как она могла когда-то запастись на такого? Плотоядный цветок с липкими щупальцами. Как он называется? Росянка? Какое там плотоядный... чучело гороховое. Жалкий тип.

Теперь осталось забрать пионы. Это ее пионы. Не он, а она часами перелистывала каталоги, ездила в несусветную даль в лучшие садоводческие магазины, выбирала, платила, сажала и выращивала. Дело, между прочим, непростое, далеко не каждый пион приживется за полярным кругом, как его ни укрывай и ни защищай. “Сара Бернар”, к примеру, так и не пошла. “Ширли Темпл”, “сибирский розовый”, “коралловое пламя” и золотисто-желтый “серный” кое-как перезимовали. И конечно, ее гордость, темно-бордовый “укропный”. Хенни отдала пионам годы жизни. Они же растут так удручающе медленно. Иногда несколько лет проходит, прежде чем им вздумается цвести, зато потом с каждым годом цветов все больше и они все крупнее, все роскошнее, хотя кажется – уже некуда. Пион цветет недолго, неделю-другую, но... что там говорить: король цветника, никаких сомнений. Даже розам трудно с ними тягаться. Хенни могла часами наблюдать, как подмигивает из зеленой тюрьмы розовый глазок, как мед-

ленно освобождается от оков бутона спеленатый извечным водоворотом зачатия цветов. Вот уже расправляются атласные лепестки, пахнущие вывешенным на мороз выстиранным бельем и медом, и неодобрительно косятся на соседние, облепленные садовыми муравьями, нераспустившиеся бутоны...

Она с детства обожала эти цветы.

Ну уж нет. Винсент недостоин пионов. Единственное, что ему доступно, – терпеливо, пока не заведется, дергать стартовый шнур газонокосилки. Или в лучшем случае вывинтить свечу и почистить зазор сложенной вдвое наждачной шкуркой.

Она медленно объехала вокруг участка – хотела убедиться, что Винсента в доме нет. Уже скоро полдень, наверняка уехал на работу. Ну что ж... Риск, конечно, есть. Надо поторопиться. В крайнем случае пригрозит позвонить Эйнару. До Эйнара в это время вряд ли дозвонишься, но Винсенту-то откуда знать.

Поставила машину у гаража, достала из багажника лопатку, перчатки, ведра. Покосилась на окно в кухне – все спокойно. Заглянула в гараж – пусто. “Мерседеса” на месте нет.

Дождь то прекращался, то принимался снова. Над Порьюсом уже много дней лежал тяжелый тоскливый туман. Такой мерзкой осени на ее памяти не было. Земля в саду чуть не заболочена, деревья отяжелели и поникли. Трава не стрижена уже несколько недель – ясное дело, напомнить некому. Ей-то что? Она здесь больше не живет.

Хенни начала с южных грядок, самых лучших. Там приживались культуры, районированные для пятой, а иногда даже для четвертой зоны³. Все заросло сорняками – подумать только, как легко испортить грядку. К следующему лету здесь будет дикий луг. Одуванчики, молочай, мышинный горошек и тому подобная нечисть. Винсент и пальцем не пошевелит. Пока агрессоры выглядят маленькими и беззащитными, но уже к весне руками не выколоть – с их-то длиннющими неуничтожимыми корнями.

Хенни остановилась как вкопанная. Не поверила глазам, зажмурилась, снова посмотрела.

И закричала. Даже не закричала – застонала от невыносимой душевной боли. Не обращая внимания на грязь, опустилась на колени и начала рыться в безобразных черных ямах.

Кладбище. Он их уничтожил, все до одного.

Будто кто-то воткнул в живот нож и медленно поворачивал. У нее внезапно закружилась голова, и пришлось опереться ладонью, чтобы не потерять равновесие. Сперло дыхание – клумбы с пионами пусты. Пионы выкопаны. Депортированы. Казнены.

Или все же тлеет искорка надежды? Не мог же он забрать все! Она чуть не побежала, скользя на размокшей земле. Но бывший муж постарался на совесть: во всем саду ни единого пиона. Может, посмотреть в компосте?

Она лихорадочно разбросала компостную кучу, но и тут ничего не было. Ни корешка, ни стебелька. Он, видно, догадался: она станет искать и, чем черт не шутит, найдет. Найдет и оживит.

Выкопал, отвез в лес и выбросил. И теперь они где-то лежат и умирают медленной смертью.

Тряхнул озноб, и она обхватила плечи руками. Да... если он хотел ударить побольнее – удалось. И говорить нечего – удалось. Скотина... это же ее дети! В последние годы она уделяла пионам больше времени, чем Ловисе. Годы и годы ежедневной заботы. Пылинки сдувала.

А он их погубил, намеренно и хладнокровно.

А может... сейчас же осень, сокодвижение замерло. К тому же эти постоянные дожди, влаги им хватит. Даже если он выбросил их в канаву, шанс есть. Какие-то, может, и выжили. “Английский королевский”, к примеру, самый устойчивый. Лежит где-то и страдает. Ранен, но

³ В Швеции выделено восемь климатических зон – от первой (юг страны, острова Готланд и Эланд) до восьмой (Заполярье).

не убит. Они все там лежат, стонут и утешают друг друга: *Держись, приятель! Скоро придет Хенни, не сдавайся...*

Только бы найти их до первых морозов, пока ледяные кристаллы не взорвали их изнутри. Пионы – крепкие ребята, надежда есть. Я заставлю его признаться, куда он их выбросил.

Дрожа от бешенства, она бросилась в кабину пикапа и повернула ключ зажигания. Винсент наверняка в конторе – каждый раз, произнося слово “контора” даже мысленно, Хенни брезгливо морщилась. Она выпытает у него, иначе... иначе она отомстит. Разгромит в клочья его любимую игрушку, этот чертов вертолет.

Глава 5

Барни Лундмарк придавил кнопку китайского помпового термоса и подождал, пока пластиковая кружка заполнится на две трети. Ровно на две трети. С утра он заправлял полную, на восемь чашек, кофеварку и варил кофе с расчетом на весь рабочий день. С расхожим мифом – дескать, кофе должен быть обязательно свежесваренным – Барни распрощался еще в гимназии, когда по выходным подрабатывал в кафе. Хозяин был скуповат, особенно в мелочах – запрещал выливать оставшийся после закрытия кофе, а на следующее утро велел разогревать его и подавать как свежий. Ни один из посетителей разницы не почувствовал. Постоянные клиенты считали, что в этом заведении кофе даже вкуснее, чем в других. Секрет заключался в изящных рёрстрандовских чашках, которые хозяин купил задешево на распродаже наследства какой-то одинокой богатой дамы. В обязанности Барни входило принести чашки с кофе на подносе с как можно более почтительной физиономией, будто доставляет невесть какое сокровище. Люди внушаемы – ни один не заметил, что подали им вчерашнюю бурду.

А здесь, в “Ваттенфале”⁴, он пил из пластиковых кружек. Из конторы в Люлео⁵ пришло указание: ничего одноразового, никаких пластиковых стаканов, тарелок, вилок и ложек. Кружки только фаянсовые, ножи, вилки и ложки стальные. Поел, выпил кофе – вымой за собой посуду. Новая экологическая политика. Плевать. Пусть там, в городе, играют в эти игры сколько вздумается, но не здесь. Термос легко взять с собой в машину при срочном вызове, а в кармане дверцы прекрасно помещается стопка пластиковых кружек – теперь они даже и с ручками, пальцы не обжигает. Хватит и ему, и благодарным техникам на вызове. Ясно как день.

– Чашку кофе? – предлагал Барни коллегам. – Сварен на самой чистой воде во всей Швеции. Чище не бывает.

И это правда. Умопомрачительно чистая вода из водохранилища в Суорве крутит турбины гидростанции в Виетасе. Так что в комнате отдыха, где он варит свой фильтрованный кофе, каждый вольт в розетке может гордиться наичистейшим и наиболее благороднейшим происхождением. Там, за окном, – огромное водохранилище, и оно дает ток его кофеварке, а он, Барни Лундмарк, будто черпает чайной ложкой из Ниагарского водопада. Зачерпнул – и ладно, никто не заметит. Электроэнергия пойдет дальше, по шагающим строем, как солдаты, столбам высоковольтных линий, от столба к столбу, от одной подстанции к другой – к далекому югу, где живет столько народу, что даже странно, как люди не наступают друг другу на пятки.

С минуты на минуту должны подтянуться эти девицы, самое время пить кофе. Как же их зовут?.. Карина и Каролина? Или Карола и Катрин? Но они держатся отчужденно. Видно, считают недостойным заигрывать с простым работягой. Бегают по дамбе, втыкают в землю тонкие трубочки с проводками и щелкают по клавишам своих ноутбуков. Что ж... положение и в самом деле беспокойное. Все эти бесконечные дожди – каждый горный ручеек превращается в бурлящую реку с порогами. Даже в весенний паводок такого не было, а сейчас середина сентября. Водоохранилище переполнено, по всему руслу открыли все или почти все заслонки. Обидно – столько электроэнергии пропадает, хватило бы отапливать целый город всю зиму. Но что делать, такое случалось и раньше. Дождливую осень еще никто не отменял. Бывает. Сценарии прописаны. Такой-то и такой-то паводок бывает раз в сто лет – значит, раз в сто лет надо сделать то-то и то-то. А кто знает, может, у них там и на тысячелетия все предусмотрено. Вот, пожалуйста, недавно расшифровали какие-то руны. Оказывается, в восьмом веке такая большая вода была, просто ужас. Чуть не все потонули. Всемирный потоп.

⁴ “*Vattenfall*” – шведская энергетическая компания, одна из крупнейших в Европе. *Vattenfall* (шв.) – водопад.

⁵ В России устоявшаяся транскрипция – Лулео. Но фонетически вернее Люлео. Если в разговоре со шведом вы упомянете город Лулео, он, скорее всего, не поймет, что вы имеете в виду.

Ну нет, дамба построена с расчетом на самое худшее. Скоро придут осенние холода и все успокоится.

Дверь открылась. Катарина или как там ее... забыл. Мокрая как курица. Со шлема капает вода.

– Кофе? Сварен на чистой воде во всей...

– Некогда.

Вон оно что. Некогда. За каким хреном тогда явилась?

– Дождь так и идет? – сделал Барни еще одну попытку.

– Угу.

– И что вы там намерили?

– Могу я попросить мобильник? Мой сдох.

– Влажность, – кивнул Барни. Наверняка. Влажность, что ж еще.

– Да, разумеется. Влажность. Дай телефон, мне надо позвонить в Люлео.

– Сначала попроси как следует.

– Что?

– Попроси как следует – получишь.

– Да-да... дай мне твой телефон. *Please...*

– Нет.

– Да.

– Нет, – повторил он. – Телефон мне самому нужен. Это мой телефон. Но ты можешь получить чашку кофе.

– Телефон не твой, а “Ваттенфаля”.

– Как же, разбежалась.

– Дай телефон! – крикнула она. – Считаю, это приказ.

Барни посмотрел на нее с внезапным интересом. Сучка. Не так уж редко встречаются, но это особый экземпляр.

– Не получишь, даже если отсосешь.

– Что ты сказал?

Он широко улыбнулся и отхлебнул кофе.

– Ты не описалась, часом?

– Я заявлю в полицию. Сексуальные домогательства. Такой ветер поднимется, у тебя последние волосенки снесет.

– Заявишь? Твои слова против моих, вот и вся заява.

– В таких случаях всегда верят женщинам.

– Вот и описалась. Ай-ай-ай, стыд какой. Кап-кап...

Ее и в самом деле начала бить дрожь. Современные девки... и какого рожна они такие чувствительные? Жизненного опыта – кот наплакал. Чему их там учат, в ихних университетах? Каждый десятник, каждый мастер должен знать: нельзя отказываться, когда простой рабочий приглашает на кофе. Обязана оказать уважение.

– Послушай, ты, умник... Мне нужно позвонить немедленно. Положение критическое.

– Критическое?

– Дамба.

– Что – дамба?

Барни валял дурака. После того кафе он сменил самое меньшее тридцать мест. Почти везде были в ходу такие страшилки: “критическое положение”, “повышенная готовность”, “чрезвычайная ситуация”. Уж кто-кто, а он прекрасно знал, как устроена пирамида. У твоего начальника тоже есть начальник. Возникла проблема – спихни наверх.

Достал из герметичного инструментального пояса телефон:

– На, возьми.

Она потянулась было, но он отдернул руку, поднял и помахал над головой. Успел глянуть – никаких сообщений, один пропущенный звонок. Кто бы это мог быть?

И тут произошло неожиданное. Соплячка изогнулась и метнулась что твоя кобра. С неожиданной силой вырвала у него телефон. Он среагировал инстинктивно, даже подумать не успел – дернул рукой и ребром ладони ударил ее по темени. Она пошатнулась, но удержалась на ногах.

– Отдай, сука! – заорал он, но было поздно: дверь захлопнулась.

Рука болела, удар пришелся на твердый шлем. Чертова баба.

Барни накинул куртку и собрался было догнать мерзавку, но замер. Что-то он почувствовал. Пол качнулся под ногами. Он несколько мгновений стоял неподвижно – ждал, не повторится ли. Нет, все спокойно. Будто сорокаметровый динозавр под землей поменял положение во сне и затих.

Землетрясение? Он был один раз свидетелем землетрясения, когда жил в Мальмбергете. Несколько лет назад. Тихие, почти незаметные волны в земной коре. Где-то появилась трещина в фундаменте, у кого-то заклинило подвальную дверь. Обвалилась шахта – как раз та, где недавно ставили новые двутавровые крепи и заливали бетоном. Это правильно.

Был бы телефон, тут же позвонил бы Баудину. Сигнал тревоги. Но телефон... надо немедленно разыскать эту сучку. Он же не собирался ее бить! Сработал рефлекс. Сама и спровоцировала.

Барни вышел под дождь. Тяжелые капли застучали по акриловому шлему. Стянул поплотнее шнуровку дождевика. Далеко не ушла. Вон она – бежит к дамбе по дороге, дугой огибающей насыпь. Оглянулась, заметила погоню и прибавила скорость. Он тоже побежал – так называемой трусцой, а потом и вовсе перешел на шаг. Кондиции, конечно, могли бы быть и получше. Никуда не денется, рано или поздно он ее найдет. Телефон же не общественный, его личный телефон! Если каждая профурсетка из Люлео... она его унизила и оскорбила! Вот именно – оскорбила. На всякий случай надо подготовиться, если она будет жаловаться.

Он внезапно остановился. Прямо перед ним поперек дороги шла извилистая трещина. Асфальт лопнул. Трещина не то чтобы большая, но и не маленькая, пара сантиметров. Вчера этой трещины не было, в этом он уверен.

Барни Лундмарк присел на корточки и сунул в трещину палец.

Сухо. Даже дождь не успел намочить землю, асфальт лопнул самое большее минуту назад. Нехорошо. Более того – очень плохо. Вот теперь ему и в самом деле нужен телефон. Чертова сучка...

Глава 6

Жизнь. Даже не сама жизнь, не понятие, а процесс жизни – что может передать его лучше и точнее, чем вода?

Лена Сунд некоторое время поиграла этой мыслью, попыталась почувствовать себя рекой, слиться с ней воедино. Понять внутреннюю сущность, понять медленный, непрерывный и неуловимо-загадочный балет духов реки.

Стура Люлеэльвен. Большая река Люлео – само название внушает почтение. Собственно, оно пришло с саамского – *Stuor Julevädno*. Что-то в ней шевелилось от этого названия, какие-то семейные корни. До чего же похожи на струны эти корни: только дотронься – начинают звучать. Просыпается музыкальный инструмент души. Кажется, бабушка где-то рядом... а вот и нет, не кажется, она ясно чувствует ее присутствие. Существо иного мира. Стоит за спиной, подняв ладони, будто благословляет или, может быть, лечит... Трогательная картинка: немощная, морщинистая старушка благословляет свою девочку и удивляется, как та выросла.

Две женские души – бабушка и внучка у величественной реки. Ей кажется – волны меняются, упорядочивают движение, приобретают форму человеческих зародышей. Поток хрупких тел, они протягивают к ней крошечные ручонки, взывая о помощи. Маленькие, еще не рожденные дети.

Она перевела дух и выпрямилась – так долго не двигалась, что в спине что-то хрустнуло.

Плотная группа, только что стоявшая под колышущейся крышей разноцветных зонтиков, разбрелась по берегу. Начинаящие акварелистки сразу стали похожи на грибы из книги Эльзы Бесков⁶. Кто-то подстелил пластиковые матрасики, другие захватили раскладные стульчики. Сусси вообще примотала зонтик к шее и плечу. Смешно, зато руки свободны. А Маделен соорудила шаткий мольберт из каких-то сучков. Ветер рвет зонтики, но пока держатся, даже удивительно – ни один не вывернулся наизнанку и не сломался. Кружковцы согнулись над коробками с акварельными красками. Надо попытаться передать цветом движение воды.

Именно в этом и заключалось сегодняшнее задание – движение. И реки, и акварельной кисти. Отобразить воду водой же. Что-то в этом есть от крещения – своего рода ритуал. Обожествление воды. Первое, что сделала Лена, – спустилась к реке и набрала воды в кружку. Что может быть правильнее и естественнее – писать реку ее же водой... сама *Julevädno* текла по листу рыхлой акварельной бумаги.

Мелкий дождь не прекращался ни на секунду. Плотное кольцо измороси, как нимб, окружило ее четырехугольную акварель. Инь и янь, земля и небо, женское и...

– Бобер!

Все дружно подняли головы. Лабан, кто же еще. Лена пыталась не замечать этого типа с самого начала курсов. Но куда денешься – в каждом сообществе есть свой Лабан, свой нарциссист, свой змей-искуситель, уж это-то ей было хорошо известно, годы конференций даром не прошли. А Лабан-то точно знал, как себя подать. Прежде всего, он был самым молодым на курсах акварели, еле-еле за двадцать. Длинные слипшиеся волосы... к тому же мужчина. Лену с самого начала раздражало его присутствие: надеялась, что в кружке будут только женщины. Но больше всего бесили его дешевые трюки. Сегодня, к примеру, явился голым по пояс, хотя довольно холодно и дождь не перестает. Скорее всего, решил поиграть с их материнским инстинктом. И конечно, показать замысловатую татуировку на спине, змеящуюся между лопаток голубым водопадом. Он демонстративно отказался от зонта – будет писать акварель под дождем, пусть стекает по бумаге, наверняка получится интересный и неожиданный эффект. Дураку ясно, никакой эффект не получится, даже до него в конце концов дошло. Скомкал лист

⁶ Эльза Бесков (1874–1953) – автор популярных детских книг, художник и иллюстратор.

и швырнул на землю. И что означал этот идиотский выкрик? Какой еще бобер? Заметил бобра, что ли? Или это какой-то особый Люлео-жаргон? Как бы там ни было, надо проследить, чтобы подобрал испорченный лист. Должен знать – нечего мусорить на природе.

Лабан изогнулся и внезапно, ухая в такт, пустился в какой-то дикарский танец под музыку из наушников-затычек. Как будто мало музыки реки, шелеста леса и шума дождя! Хоть бы в сторону отошел – ну нет, как бы не так. Тогда это будет не Лабан, а кто-то другой. Лабан всегда должен быть в центре внимания. Ему всегда и всего мало. Как младенец: сосет и сосет, и дела ему нет до остальных. Наркоман. Наверняка кокаином балуется. Такому не могло не понравиться! Как же – наркота ставит человека в самое яблочко мироздания, в самый центр. Ненадолго и не бесплатно, но ставит. Ему только этого и надо. Но здесь-то он один. Никому нет дела до его кривлянья. Публики нет, вместо публики – космические лучи вселенского холода. Еще и вправду замерзнет, подхватит воспаление легких или что-то в этом роде.

– Ты брызгаешь! – запротестовала Маделен.

Что он может услышать с заткнутыми ушами? Продолжает свой танец, мотает головой и вихляется. Маделен повернула свой импровизированный мольберт на другую сторону, но теперь ей не виден пейзаж. Мотив, как говорят настоящие художники. Не оглядываться же каждую секунду. Демонстративно вздохнула, взяла сумку и мольберт и пересела подальше ото всех.

Ну и клуша... вот так просто – сдать и уйти? С какого перепугу? А она бы... что – она? Что бы сделала она на месте Маделен? Да что угодно! Взять комок мокрой глины и залепить в ухмыляющуюся физиономию. Как тортом в кино.

Нет, это бы его только раззадорило. Нечего обращать внимания. Такой может сделать что угодно. Харкнуть на твою акварель. Или начнет рыдать, и все тут же проникнется состраданием к обиженному, станут бросать на нее осуждающие взгляды. Может, Маделен и права. Нечего обращать внимания на идиотов. Действительно, встать и отойти – что проще? Сам выдохнется. Протянуть самовлюбленному нарциссу зеркало – пусть любит сам на себя.

И погрузиться в живопись. Вода беспрерывно движется... и конечно же, конечно! Размывы и затеки акварели должны двигаться как вода, смешивая, смещая и разделяя слои, они должны ловить рефлекс света так, словно бы она, Лена, уже не участвует в процессе. Наблюдает со стороны... ну да, со стороны, она-то тут при чем? Если вода в реке не перестает удивлять бесконечной мимолетностью оттенков и переходов, почему та же вода должна вести себя по-иному на листе бумаги? Не мешать воде – вот и все, что от нее требуется.

И не думать, не думать... рука сама возьмет нужный пигмент, к черту самокритику!

Самокритика порождает неуверенность – вот с чем ей пришлось бороться с первого дня на курсах. И вечный грызущий голос, еще до первого прикосновения кисти к бумаге: ничего не получится, все, что ты делаешь, ничтожно и невыразительно.

– Почему ты пишешь всегда одинаково? Ты даже не пытаешься развиваться, искать что-то новое. Идешь по пути наименьшего сопротивления, не хочешь сделать даже минимальное усилие... ничего из этого не выйдет.

Отец. Вернее, то, что от него осталось, – вялое, незаинтересованное ворчание.

Ну нет. Открыть сердечные чакры. Пусть душу захлестнет ее же собственная скрытая энергия, которой отец за всю жизнь так и не помог отыскать правильный и радостный выход.

– Крупнозернистая у тебя есть? Грубая?

– Нет.

Лабан втиснулся к ней под зонтик. Еще не отдышался после своей дурацкой пляски. С волос капает, Лена еле успела прикрыть лист.

– Нет – значит, нет. Возьму обычную. – Он пожал плечами, полез мокрыми руками в ее рюкзак и начал ворошить содержимое.

Лена оцепенела. В животе появился противный холодок. Она знала это ощущение – смесь страха и готовой выйти из-под контроля ярости.

– Не таскать же с собой массу всякого барахла, – пояснил Лабан. – О каком творчестве может идти речь, когда ты вроде вола? Освободиться от всего лишнего, прислушаться к телу... тело никогда не врет.

– Поосторожней, слышишь... – Она совершенно растерялась.

– Никогда не таскаю с собой мольберт, – продолжил он, будто и не слышал ее слов. – И дождь... это же прекрасно! Дождь – это жизнь. Та самая жизнь, что дана нам с небес, надо постараться чувствовать эту жизнь всей кожей, как цветы...

Лабан вытащил альбом, вырвал пару листов. Зажал их зубами, сунул альбом назад в рюкзак, сел на корточки и начал расстегивать карман.

– И скотч, само собой... свой я забыл. В наружном кармане, да?

Лена наконец очнулась. Рывком выхватила у него изо рта бумагу, скомкала и сунула в рюкзак. Он удивленно поднял голову – так и сидел на корточках, с рукой в наружном кармане.

Она подняла ногу, прицелилась и резко толкнула его в голое плечо. К этому он готов не был. Повалился назад, нелепо взмахнув руками, и ударился головой о камень с таким звуком, будто хрустнула яичная скорлупа.

Лена попыталась сделать вид, что ничего не произошло. Вернулась к этюднику, но кисть дрожала. Она покосилась – Лабан лежал неподвижно, с полуоткрытыми закатившимися глазами, и на белки падал дождь. Ей показалось, что река остановилась, исчезли постоянно меняющиеся оттенки, осталось серое неподвижное стекло. И самосветящаяся, почти неоновая капля крови.

Он поднялся, встряхнул головой. Волосы слиплись. Даже не посмотрел в ее сторону – неверной походкой двинулся к реке, зашел по колено, согнулся и начал отмывать голову от крови. Длинные красивые пальцы кругами шарили по затылку, будто он хотел очертить границу ссадины, не позволить распространиться дальше.

Выпрямился, поднял руки и повернулся спиной к берегу. Выглядело как ритуал, как языческое приветствие отсутствующему солнцу.

Теперь все увидели кровь. Розоватая, разведенная водой, она стекала между лопаток. Сомнений не было: кровь. Реакция предсказуемая: кружковцы, точно их током ударило, схватились за кисти – какой мотив! Взбудораженная паводком река и одинокий юноша, вызывающий к невидимому богу. И кровь, разумеется; кровь завершала гармонический хоровод символов: Иисус! И Лабан тоже это понимал. Дамы заахали – они чуть не тряслись от художественного волнения. Само собой, как же: женщины и кровь. Месячные, роды... и как же, как же, вот оно, причастие: этот юноша принимает на себя наши грехи. Он вторгается в душу, стирает, как ластиком, все, что ей, этой душе, принадлежит, – и водружает себя в центр.

Лена отложила кисть и начала укладываться. Рюкзак внутри, после того как он копался в нем, совершенно мокрый. Потом высушит. Проросшая травяными корнями земля, несмотря на дождь, была твердой и неподатливой, пришлось поработать каблуком, прежде чем продолжить более или менее заметную ямку. Слежавшаяся глина поддавалась плохо, но все же удалось наковырять достаточно и слепить плотный комок, из которого торчали, как щупальца, оборванные корешки. Потом второй и третий.

Она встала, подошла к реке, прицелилась и залепила комком грязи Лабану в спину. Осталась довольна собственной меткостью, швырнула второй – и тоже не промахнулась. Пятна на белой коже... странная картина: растушевка грязно-рыжих клякс розовыми струйками разведенной водой крови. Дамы словно очнулись от гипноза.

– Ты с ума сошла, Лена? Что ты делаешь?

– Отойди же, заслоняешь мотив! – крикнула она, досадуя на неубедительность интонации.

Лабан услышал. Несуетливо – наверняка примерился, чтобы вышло с достоинством, – повернулся и двинулся к берегу, с заметным усилием преодолевая сопротивление воды. На губах его играла странная улыбка – то ли насмешливая, то ли презрительная. Ясное дело, последнее слово должно остаться за ним.

Лена бросила на землю последний комок глины и заставила себя не шевелиться. Не бежать же от этого поганца.

– Отойди же, заслоняешь мотив! – передразнил он писклявым голосом.

По его поджарой груди тоже стекали розовые ручейки. Подошел совсем близко, поглядел, словно прицениваясь, внезапно схватил ее за запястье и сильно сжал – та же двусмысленная улыбочка, холодные, остекленевшие глаза.

Лена поняла мгновенно: он собирается окунуть ее в воду. Повалить в воду с индейскими воплями и продолжить свою пляску, будто все это обычная дружеская игра. Тогда он снова станет главным героем дня, а она... что – она? Его игрушка. Кот играет с мышью – чем не мотив?

Лена еле успела упереться ногой в камень и попыталась вырваться. Она даже не подозревала, насколько он силен. На голову выше плюс молодая энергия. Он потащил ее за собой, при этом громко и неестественно хохотал, показывая дамам – дескать, все в порядке, никакого конфликта, всего лишь игра. Дамы сидели на холме, как редкие зрители на футбольной трибуне. Кто-то даже схватился за карандаш, вспомнив, видно, одну из лекций, когда Ментор долго и многословно убеждал: старайтесь уловить динамику, движение. Природа, растения, люди, животные, даже горы – все в движении, движение важнее всего. Ну да, сейчас он ее макнет. Даст подножку и свалит в ледяную реку. И никто не заступится, ведь она сама его спровоцировала.

Почему кошка драная? Потому что злая.

Лабан неумолимо тянул ее к воде. Лена упиралась изо всех сил, но ничто не помогало. Он, продолжая делано хохотать, преодолевал ее сопротивление, оттаскивал от спасительных камней – метр за метром. Так заведено веками – женщина подчиняется мужскому насилию. Как же – ведь они, мужчины, ничего плохого нам не хотят. Они просто так устроены.

Ну нет. Эта сказка не про нее.

Расстояние между ними в две вытянутые руки она преодолела одним прыжком. Оставалось совсем немного, он уже был по щиколотку в воде. Прыгнула, как пантера, так, что вода взвилась фонтаном из-под ног, нагнулась и впиалась зубами в его руку. Впиалась по-настоящему, со всей силы, как будто это была не живая человеческая рука, а сверхпрочная резиновая кость, долгоиграющая забава для собаки. И тут же почувствовала во рту солоноватый, металлический вкус крови.

Лабан завопил почти фальцетом, как женщина, – вопль боли и страха. Это же его правая рука – рука художника! И дрожит наверняка правой. Полукруглые метки от зубов мгновенно почернели и медленно набухали кровью.

Он наклонился, поднял камень величиной с детскую голову и замахнулся.

Глава 7

Винсент Лаурин оглядел контору. Как будто бы все. Кофейник сполоснул, вымыл чашку, стряхнул крошки со стола. Бумаги... бумаги пусть останутся, надо только сложить поаккуратнее. Унитаз... Налил в унитаз зеленую жидкость из яркой пластмассовой бутылки, повозил щеткой и спустил воду. И пятна на мойке... тоже надо вымыть, но не чересчур тщательно. Ничто не должно быть чересчур. И преувеличенная, неестественная чистота, и грязь наводят на одну и ту же мысль: депрессия и отчаяние. Этому человеку надоело жить.

А он сам? Его тело? Достал дезодорант, потер подмышки. И зубы почистил – идентификацию проводят по зубам. Какой-нибудь ко всему привыкший судебный эксперт разложит их в кювете из нержавеющей стали, натянет резиновые перчатки и начнет по очереди брать и разглядывать. Один за другим – *его зубы*.

Пусть обгорелые, пусть окровавленные, но уж во всяком случае без гнивающих остатков еды.

Трусы он предусмотрительно надел чистые. Неординарная мысль: именно трусы определяют память о человеке. *Подумать только – на нем были грязные трусы*.

А может, и нет. Ничто не имеет значения, но хочется умереть чистым.

И летная форма. Собственно, из летной формы только куртка, темно-синяя, с массой карманов. Что же касается брюк, то одно дело, когда проводишь экскурсию “Лапландия с высоты птичьего полета”, тогда брюки костюмные, с отутюженной складкой. А если летишь в какой-нибудь саамский лагерь, то грубые, прочные штаны, как и куртка, с множеством карманов. Туристские. Никакой фуражки или пилотки – но обязательно солнцезащитные очки. Обязательно. Все же знают – Винсент никогда не летает без очков. Вертолетные курсы он проходил во Флориде, а во Флориде без очков невозможно. Они там, похоже, и не снимают их никогда. Как в кино – что за пилот без темных очков?

Проверить еще раз, не торопясь. Нормально – все выглядит так, будто погибший покинул контору для очередной воздушной экскурсии. Думать не думал, что эта экскурсия последняя в его жизни. Все останется Ловисе, дочери погибшего. Все, что у него есть, достанется ей. Плюс страховка, плюс похоронные. Не меньше миллиона. Она даже сможет отказаться от студенческого кредита. И Винсент почему-то уверен – дочь наверняка позаботится, чтобы гроб заказали приличный. А может, когда все закончится, когда пройдет шок... может, даже почувствует укол потери, поймет, что он все-таки ее очень любил. Даже вложил фотографию в бумажник – тоже своего рода намек, хотя он и не имел такой привычки. Да, когда Ловиса была совсем малышкой, он всегда держал с собой ее трогательные снимки, а потом – нет. Если машина не сгорит дотла, бумажник тоже передадут Ловисе – осмотрят, сделают какие-нибудь анализы, составят протокол и передадут. Не могут не передать. Откроет и увидит: она была с отцом в его последнем полете. У самого сердца.

Дождь заметно усилился. Винсент запер контору. Взял, как всегда, карту с маршрутом, сумку с бутербродами и термос. Все должно выглядеть как обычно, будто он собирался приземлиться в Сталолуокта, попить кофе и позавтракать. Причина есть – Нильс Хенрик и вся его команда просили заскочить. Саамские поселки – самые крупные заказчики в это время года. Время забоя оленей и переезда на другие пастбища. И по дороге – надо же такому случиться! – вертолет возьмет курс немного правее, к Сареку. Ошибка навигации в тумане вещь не такая уж редкая. И прощай, жизнь. Удар – и все. С земли увидят только дымок из лабиринта ущелий, утесов и ледников... его отлетающую душу.

И вот тут-то потребуется сила воли. Преодолеть выработанный тысячами летных часов рефлекс, не рвануть штурвал, не попытаться избежать катастрофы – сидеть и смотреть, сжать зубы и постараться не замечать отчаянные вопли бурлящего в крови адреналина.

Он запустил ротор – надо прогреть двигатель. Пробежал глазами чек-лист, проверил показания приборов, температуру, уровень топлива. Надел очки – с желтоватыми, специально приспособленными для тумана стеклами. Маршрут заранее согласован с наземными службами в аэропорту Каллакса. Все по давно вызубренным правилам. Рутинный полет. Посмотрел наверх – лопасти ротора, поначалу вращавшиеся медленно и неохотно, уже почти неразличимы.

И почти одновременно краем глаза заметил приближающуюся машину. Это еще что? Пикап резко затормозил, и... о господи... кто же еще! Разумеется, Хенни. С искаженным яростью лицом, не обращая внимания на дождь, мчится к вертолету.

Только не сейчас. Только не сейчас! Он покачал головой и нажал рукоятку газа.

Сильный удар. Боковое стекло мгновенно покрылось паучьей сетью трещин. У нее молоток! Она взяла из машины молоток. И опять подняла... Она что, не знает, сколько стоит стекло в кабине? Гневно искривленный рот – что-то кричит. Винсент отложил наушники и приоткрыл дверь.

– Пионы! Где мои пионы, сукин сын?

Еще один удар в кузов. И еще один. Он представил безобразные вмятины. Неужели она приперлась только из-за этих самодовольных цветов?

– Выкинул в лесу.

– Где! Говори – где?

Она подняла глаза на вращающийся винт. С ума, что ли, сошла? Не соображает: швырнет молоток в ротор – сама погибнет. Сломанные лопасти разлетятся, как наточенные косы, только в сто раз быстрее! А ведь и в самом деле сейчас запустит, физиономия совершенно безумная, зрачки расширены. Ну точно – помешалась на этих цветах.

Но продолжения он не ожидал. Хенни рванула на себя дверцу и бросилась на него. Что она хочет? Избить его? Убить? Во всей сцене было что-то настолько комическое, что он невольно улыбнулся – она собирается убить человека, который уже мертв. Убить второй раз. Она барахталась у него на коленях и что-то истерически визжала, ему никак не удавалось разобрать слова.

Он посмотрел в окно и какое-то мгновение не мог понять: что происходит? Перед ним росла грязно-бурая, покрытая пеной гора. Она двигалась прямо на них, подминая корабельные сосны, столетние ели и даже столбы высоковольтной линии, они гнулись и ломались, как соломинки. И дома... дома! О дьявол, там же могут быть люди! И Хенни... дерется, царапается, орет... одно и то же слово:

– Взлетай! Взлетай!

Что она имеет в виду? Вертолет? А, ну да... он же сидит в кабине вертолета с прогретым двигателем.

И еще до того, как он успел сообразить и хоть как-то оценить происходящее, засевший в душе пилот уже принял решение: Винсент прибавил газ, нащупал между ляжек бывшей супруги рукоятку изменения угла лопастей и сдвинул ее на “взлет”. Машина взмыла в воздух и удержалась, несмотря на глухой, тяжелый удар в брюхо.

Зверь не допрыгнул, только щелкнул зубами.

Вверх, вверх... в мягкую пелену дождя, в безопасный, прохладный туман.

Глава 8

Барни вытер мокрое лицо и продолжил погоню. Наглая девица уже была на дамбе, на ходу кричала что-то в телефон. Наверняка зовет подружку на помощь. Значит, будут двое против одного.

Уровень воды... он такого никогда и не видел. Выше максимальной отметки. Как прилив в море, подумал он. Прибывает и прибывает. Скоро начнет переливать дамбу.

Внезапно городская стерва остановилась. Нагнулась и посмотрела вниз. Что она там ищет? Барни прибавил скорость – заболело колено. Давно пора сбросить вес. И со снюсом⁷ завязывать. Много чего пора... теперь еще и правое колено заскрипело. А она... чем она там занимается? А вот и подружка появилась, в таком же голубом дождевике. Но ей еще бежать да бежать, он доберется быстрее. Если, конечно, колено позволит – может заклинить так, что с места не сдвинешься. И селезенка колет – как ножом под ребра.

Но он не остановился, хотя следовало бы передохнуть. Охотничий инстинкт – куда его денешь? Древняя штука. Вонзять зубы в горячее мясо... Но почему она не убегает? Забыла, что сперла у него телефон?

– Давай сюда мобильник, мать твою! – прорычал Барни.

Она не ответила. Посмотрела на него, и он поразился – лицо белее мела. Но не убежала. Он протянул руку:

– Давай сюда телефон, и забудем про это.

Она покосилась на приближающуюся подругу. Хотела что-то сказать, губы зашевелились, но не смогла выдать ни звука. Заигрывает с ним, что ли?

И тут Барни услышал необычный звук. То есть звук вполне обычный, но не для этого места.

Он подошел к решетке и заглянул вниз.

Из трещины в вогнутой ребристой бетонной стене, пульсируя, как кровь, струей вытекала вода.

– Коричневая! Грязная! – крикнул он внезапно охрипшим голосом.

Она не ответила, но дураку ясно: думает о том же, что и он. Рыжая вода. Бетонная скорлупа дамбы лопнула, и из нее вымывает засыпку. Медленно, но верно. Тысячи тонн земли. И не так уж медленно, все быстрее и быстрее.

– Надо лить отсюда!

Она дрожащими пальцами лихорадочно нажимала клавиши телефона. Ошиблась, начала заново.

– Берегитесь! – Ветер донес отчаянный крик ее подруги.

В верхнем бьефе водная гладь совершенно неподвижна, если не считать ряби от мелких уколов дождя. Пока... Суораяуре, Аккаяуре, вся система водоемов, перекрытых дамбой. Миллиарды тонн воды чудовищным брюхом навалились на хлипкое человеческое сооружение и ждут своего часа.

Кажется, дождались...

– Надо немедленно рвать отсюда! – проорал он.

И словно в ответ на его призыв полотно под ногами качнулось, задрожало и, как ему показалось, просело на несколько миллиметров.

– Быстро!

Девушка прижала мобильник к уху и нетерпеливо перетаптывалась – по-видимому, никто не брал трубку.

⁷ Снюс – популярный в Швеции жевательный табак.

Барни подошел и схватил ее за руку с телефоном. Она дернулась, как пойманная птица, но он был намного сильнее. Наверняка останутся синяки.

– Дай сюда телефон, черт бы тебя побрал!

Она покачала головой. Шлем мотается на голове – не было бы ремешка, соскочил бы.

– Бе-ереги-итесь! – кричала напарница.

Внезапно в руке девицы зазвонил телефон.

– Алло! – крикнул он. – Дамба! Дамба вот-вот, мать ее...

Он не знал, нажала ли она кнопку ответа, и даже если нажала, слышал ли кто-то на другом конце его крик. Вывернул руку в запястье и потянул на себя. Она попыталась вырваться. Мобильник упал на полотно и, отскакивая от бетона дамбы и подмигивая светящимся дисплеем, полетел в воду.

– О дьявол!

Он с силой дернул девушку за руку. Она застонала, послышался противный треск разрываемого дождевика. Покачнулась и упала – сознание, что ли, потеряла? Нашла время, дура... Уж не убил ли, часом?

Его начало трясти. Он мгновенно сообразил, что это не озноб страха – под ногами ворочался и рвался на волю гигантский зверь, чудовище, готовое разнести в клочья наспех сооруженную для него хлипкую клетку. Полотно вибрировало все сильнее.

По бетонной поверхности поползла трещина, совсем рядом, небольшая, сантиметр, не больше, и из нее тут же фонтаном забила вода. Трещина быстро расширялась. Как в кинокомедии, успел подумать Барни. Одна нога в лодке, другая на берегу.

– Надо уходить...

Подбежавшая подружка смотрела на него как на чудовище. Будто это он тряс дамбу.

– Валим! – Барни повернулся к тому берегу, откуда пришел.

– Ничего подобного, только туда, – она показала на другой берег, – там безопаснее!

– Как же... на тот свет добраться, может, и безопаснее.

– Ты ее ударил, я видела...

Еще одна идиотка. Надо бы и эту мазнуть по размалеванным губешкам.

Некогда. Он неуклюже перепрыгнул фонтанирующую трещину и оглянулся.

Подруги постояли в нерешительности и двинулись, ускоряя шаг, на другой берег. Господи, что за тупицы... Дамба вибрировала все сильнее. Уже не в одном, а в нескольких местах забили фонтаны воды.

Барни заставил себя остановиться и побежал назад, крича и размахивая руками:

– Сюда, бегите сюда! Вы что, ослепли? Спятили?

В ту же секунду обе отчаянно закричали и словно поскользнулись. На его глазах дамба вздрогнула и просела, он видел такое только в фильмах про землетрясения. И все ж Барни успел ухватить виновницу его злоключений за руку. Отбивается, верещит что-то, подруга тащит ее в другую сторону... Ну что – тут только сила. Он дернул руку к себе. Вложил в этот рывок все свои сто килограммов веса и все-таки оторвал от подружки. Под ними что-то происходило, от тихого, но оттого еще более жуткого низкочастотного гула хотелось бросить все и бежать куда глаза глядят. Внезапно полотно перекошилось еще сильнее, превратилось в довольно крутую наклонную плоскость, и Барни еле удержал девушку, упершись ногами в излом бетона. Она просто-напросто висела у него на руке.

– Да помогай же, – хрипло проорал он.

Ей и в самом деле удалось зацепиться и выбраться на еще не просевшую часть.

Они побежали что есть сил. Гул внезапно превратился в оглушительный рев, как в самолете, когда продуваешь уши при посадке. Барни не оглядывался. Легкие невыносимо жгло. Он перепрыгивал через трещины, борясь с желанием остановиться, отдышаться, – и будь что

будет. В колене что-то хрустнуло. Он упал ничком и закашлялся, изо рта клейкими нитями летела пена. Поднял глаза – ее лицо выросло до невероятных размеров, заслонило небо.

И только тогда он повернул голову.

Мир перестал существовать.

Описать невозможно. Миллиарды тонн разорванного в клочья мира. Он рефлекторно потянулся за мобильником, собрался сделать снимок – и вспомнил: телефон лежит на дне этого ада.

У него даже нет камеры, чтобы это запечатлеть. Только глаза. Ничего не остается – лишь сидеть и смотреть.

Даже вообразить не мог, что человеку суждено такое увидеть.

Глава 9

Лабан поднял камень и замахнулся. Кто-то из женщин пронзительно завизжал. Лена не двинулась с места. Очередное шоу, опять примеряет главную роль.

– Не посмеешь, – тихо и презрительно произнесла она.

Лабан изогнулся, напрягся – видно, постарался изобразить античную скульптуру. Вылитый дискобол. Или метатель копья с какой-нибудь амфоры. Дамы тут же схватились за карандаши. Ни одна не встала на ее защиту, даже слова не сказала. Сидят и изображают святую преданность искусству. Как это знакомо... та же история, что и в школе. Все эти идиотские собрания... У нас проблемы с дисциплиной, говорит ректор⁸, и все дружно кивают: да-да, как же, проблемы с дисциплиной – и говорят, говорят, говорят... а в конце концов приходят к выводу, что дисциплина хоть и хромает иногда, но более или менее ничего. У других хуже. И обязательный протокол: да, кое-что могло быть и получше, но, принимая во внимание... в общем, терпимо. И ни одна шавка не решается вякнуть. Куда девались страстные речи в учительской, сплетни, вечно интригующие группки и отщепенцы? И уж кому бы стоять на своем, как не профсоюзному бабью с их неизменными прическами под французскую училку – подглядели когда-то в кино, – так нет, сидят овцы овцами и кивают, кивают.

Помнится, ей тогда пришел на ум брехтовский зонг – что-то там про шагающих под барабанный бой баранов, которые сами же и поставляют для этих барабанов кожу.

И она попросила слова. Не хотели давать, уже вроде бы подвели черту в так называемых дебатах, но она все равно начала говорить.

И выложила все, о чем шептались в коридорах и на ланчах.

Словно сквозняк пробежал по учительской: заежились, задергались и, конечно, тут же нашли корень проблемы.

Она сама. Лена. Кто же еще? Ах, какая неприятность! Среди прелестных, мирных овечек обнаружилась одна паршивая.

И понеслось! Сразу стало ясно, что именно надо подправить в их благородной деятельности. Разумеется, корректно и осторожно, в лучших традициях шведского консенсуса. Еще одно собрание, потом еще одно, предложение другого места, конфликтологи, психотерапевты... История тянулась два семестра, пока не признали: бедная женщина переутомилась. *Utbränd. Outburned.* Сгорела на работе. Можешь ехать домой и отдыхать, пока не поправишься. Восемьдесят процентов зарплаты.

Бред. Ничего она не переутомилась и не перегорела, но урок получила: помалкивай, и все будет в порядке. На том стоит общество. Вот вам пример: мерзавец над ней издевается, а этому бабью хоть бы хны. Сидят и мусолят свои кисточки. Как свет упал – важно, а человек... что – человек? Человек – хрен с ним.

Лена глубоко вдохнула, повернулась к Лабану спиной и, стараясь не втягивать голову в плечи, собрала рисовальные принадлежности в рюкзак. Затем взяла зонтик и начала подниматься по береговому откосу. На сегодня хватит. Никаких размывов-подмывов, наплывов-заплывов, никаких затеков, никаких попыток угадать прихотливую игру пигментов и передать непередаваемое – вечное движение реки. Никакого обсуждения сделанных набросков после совместного дружеского пикника.

Разболелась голова. Знакомая история, хотя головная боль все же лучше депрессии, это она уже поняла. Лучше любая боль, чем медленная смерть под одеялом.

Надо уходить. Вернуться в шале, свернуть спальный мешок на двухъярусной кровати, собрать барахло и уходить. Интересно, далеко ли до дороги? И нелегко придется – художе-

⁸ В шведских школах директор называется ректором.

ственный скарб в рюкзаке весит немало, да еще этот чертов дождь. Холодно, мокро... ну и что? Она прекрасно знала, что будет, если останется. Лабан не успокоится. До разбора рисунков дело не дойдет – он будет демонстрировать дамам ссадину на затылке, следы зубов, рассказывать, как с ним жестоко обошлись и как ему плохо. И все примутся ахать, сочувствовать и поглядывать на нее с осуждением. Знакомая история – все против нее.

Откос был довольно крутым, ей пришлось остановиться и отдышаться. Внизу дамы продолжали рисовать позирующего Лабана. Двенадцать зонтов, двенадцать женщин, склонившихся над мольбертами. Никто не попытался ее догнать, спросить, что на нее нашло, как она себя чувствует. Никто, даже Маделен. Художницы... оказывается, вот что это значит – быть художником. Уставиться в одну точку, пока весь мир не сузится до жалкого прямоугольника, который можно изобразить на бумаге карандашом или красками.

Натурщик успокоился, сел на камень и принял медитативную позу – ни дать ни взять роденовский Мыслитель. Одной рукой обхватил колени, другой подпер подбородок. Голова в полупрофиль, взгляд устремлен на реку. Господи, какая пошлость. Китч.

И именно в эту минуту, когда она нашла это слово, китч, Лена услышала слабый звук, какой-то неясный шорох. Будто в кронах деревьев внезапно зашумел ежесекундно прибавляющий в силе ветер. Странно: кроме нее, среагировал только Лабан. Вскочил с камня и начал вглядываться в верховья реки. Шум становился все сильнее и сильнее, у нее даже мурашки побежали по коже. Теперь он походил на отдаленные непрерывные раскаты приближающейся грозы. В такую погоду хорошо бы оказаться под крышей.

И тут Лабан, скользя и спотыкаясь, побежал вверх по крутому откосу. Спектакль продолжается, успела подумать Лена, но посмотрела на реку и остолбенела.

Излучина исчезала прямо на глазах. Река шла сплошным потоком. Кто-то из дам закричал, но Лена не услышала крика. Увидела только искаженную ужасом физиономию и широко открытый рот, все звуки заглушал нарастающий грохот. Поле зрения сузилось, по какой-то дикой прихоти сознания она вспомнила медицинский термин “туннельное зрение”. Сердце выпрыгивало из груди. Завороженно, не двигаясь, она смотрела, как гнутся и ломаются деревья, как исчезает береговая линия – единственное, что связывает воду и сушу в понятное человеческому рассудку целое. Вот вода, а вот суша. Пункт отсчета в устройстве жизни.

Ноги дрожали так, будто неведомый кукловод дергал за ниточки, пытаясь выбивать ее ногами барабанную дробь. Судорожно, почти захлебнувшись, вдохнула.

Наверное, этого недостаточно – просто жить, успела подумать Лена. Требуется что-то другое.

Начинающих художниц накрыла огромная, ревущая тьма.

Глава 10

Ловиса не успела вырваться за ворота, как почувствовала уже ставшую привычной в последние дни дурноту.

Черт, только не в машине. Включила на полную мощность вентилятор, опустила стекло и с облегчением ощутила холодные уколы дождя на щеке. И еще странный запах в машине... отвратительный, тошнотворный. Должно быть, Уле Хенрик что-то перевозил и запах въелся в обивку. А скорее всего, никакого запаха нет. Чудится. Гормоны уже занялись своим делом – перестраивают организм. Меняется тело, органы чувств воспринимают окружающую среду на новый, материнский лад. Появляются обонятельные и вкусовые галлюцинации. Не ожидала, что эта перестройка начнется так быстро.

Надо сосредоточиться на дороге. Недалеко, пара километров, потом поворот – и к реке, к папиной конторе. Видимость отвратительная, туман, и этот нескончаемый, неутомимый дождь. Добраться поскорей, забежать в туалет, вымыть лицо холодной водой. И вырвать, если удастся, хотя рвота облегчения не приносит.

Что же это за вонь? Дизель? Или фенол? Что-то химическое, ничего хорошего для ребенка. Она наклонила голову поближе к дефлектору и с трудом подавила позыв на рвоту. Кондиционер не работает, воздух уже нагрелся и отдает тем же опасным запахом. Что же он возил? Наверняка что-то для работы. Керосиновый камин? Или рулон строительного полиуретана – они иногда им пользуются, когда перегоняют оленей, хотя все равно непонятно зачем. Саамы занимались этим и тысячу лет назад, когда никакого полиуретана и в помине не было. Сколько раз говорила – бери “тойоту”, когда возишь всякую дрянь. Запахи всасываются в кровь, а у нее с ребенком кровь общая. Дитя любви... Она произнесла эти слова вслух и, несмотря на полуобморочное состояние, улыбнулась.

Нет, не дотянет. Осталось совсем немного... но не блевать же в машине.

Ловиса съехала на обочину у добротного двухэтажного дома и еле успела выскочить наружу. Ее вырвало, потом еще раз. Не надо было пить кофе – рвотные массы черные, как деготь, и примерно такой же вкус. Вообще пора отказаться от кофе.

Дождь не стихает. Не особенно сильный. Не летний ливень – обычный, морозящий осенний дождь. Река за деревьями в поблескивающих пятнах, похожа на жуть после неумелой чеканки. Посмотрела на окна дома – не видит ли кто, как ее выворачивает наизнанку. Хотя могла бы и не смотреть, там никого нет. Все знают: дом купили южане и пользуются им только летом. Любители северной природы, но только до той поры, пока она не особенно северная. Зиму тут они вряд ли бы пережили.

Папина контора совсем близко. Она прислушалась. Шум двигателя... или показалось? Запустил ротор... Куда он собрался в такую погоду?

Она отшатнулась – мимо на большой скорости пронесся пикап, круто, с заносом, обогнул ее припаркованный “вольво” и исчез за поворотом.

Как такое может быть? Это же пикап Эйнара! А за рулем, конечно же, мама. И что это может значить? Только одно: сейчас опять начнется ссора.

Ловиса стерла с губ жгучий желудочный сок. Наверное, папа знал, что ему предстоит, поэтому так странно разговаривал. Искал поддержки. Знал, что мама что-то затевает, и искал поддержки. Опять деньги, разумеется. Не останутся, пока не разорвут друг друга в клочья.

Внезапно в голову пришла мысль. Даже не пришла, а вспыхнула, как шаровая молния, – маленький ослепительный шарик. Сейчас же ехать к ним и рассказать новость. Поздравляю, дедушка и бабушка. Вы первые, кто узнал.

Шум двигателя нарастал. Неужели отец знал, что мать вот-вот появится, и решил удрать? Но... странная история... это вовсе не двигатель. Гул приближался с другой стороны, с верховьев Люлеэльвен. Она встала на бетонное полукольцо вокруг гриля.

И увидела.

Ребенок... страшная мысль. Ребенок. Не отводя глаз с взбесившейся реки, Ловиса попятилась к дому. Пожарная лестница начиналась метрах в двух от земли. Она взлетела на нее, как кошка, и начала карабкаться вверх.

И ее накрыла тяжелая ледяная мгла.

Глава 11

Адольф Павваль в изнемогающем “саабе” что есть сил вдавливал педаль газа. Кузов жалобно стонал и вибрировал, машина то и дело уходила в занос, даже на мокром асфальте оставались тревожные черные следы. Курсы по вождению... какое счастье, что он в свое время не пожалел денег и прошел курсы вождения в Англии. Ментора звали Райнер, неопрятный и громогласный толстяк, вручивший им по окончании диплом с красивыми жирными печатями, – прекрасно понимал, что именно произведет впечатление на будущих работодателей, не особо охотно доверяющих дорогие машины неопытным водителям. С первого дня Райнер дал понять: никаких вопросов, касающихся его прошлого. Хотя позже время от времени вроде бы нечаянно делился инсайдерскими воспоминаниями о службе в MI5, в каком-то африканском посольстве, где, разумеется, не обошлось без драмы с заложниками. В его речи мелькали имена Мадонны и Спрингстина и, само собой, террористов, которых удавалось накрыть как раз в тот момент, когда они уже надевали пояса шахидов. Впрочем, курсанты тоже были хороши – компания искателей счастья и социопатов. Кока-кола-зависимый молодняк из пригородов, выросший на полном наборе “Крепких орешков”, коротко стриженные сербы в костюмах, не выпускающие из рук мобильных. Более или менее нормальным, пожалуй, был только он, Адольф Павваль. Сокурсники таранились на него с непониманием, когда он рассказывал, что взнос за курсы почти целиком оплачен агентством по трудоустройству. Грант называется “Начни свое дело”, объяснил он и, подумав, перевел на английский: *Start It Yourself Subsidy*. Без этих денег не видать бы ему курсов как своих ушей.

Занятия сводились к одному: как быстрее и эффективнее спалить покрывки. Гоняли на щербатом бетонном полигоне под Лутэном, где едкий химический чад жженой резины никогда не выветривался из заброшенных цехов, оседая на ржавой арматуре, скорбно торчащей из осыпающихся стен. Кое-что он освоил еще дома, на обледеневших деревенских дорогах, так что нарезать пятаки по льду с ручником труда не составило. Но было много и такого, о чем он и понятия не имел. К примеру, как прорываться через заграждение или избежать попыток вытеснить твою машину с дороги.

– В Ливане ты был бы мертв уже четыре раза, – кричал Райнер в уоки-токи. – Первый – когда не проверил, не прячется ли кто-то на заднем сиденье. Второй – когда забыл посмотреть, нет ли под колесом ручной гранаты. – Помедлил секунду и добавил для ясности, чтобы ученик осознал безнадежность своего положения: – Снятой с предохранителя.

Третью и четвертую смерть Адольф никак не мог припомнить – но какая разница? Помер – значит, помер. Одного раза хватит.

В этой профессии редко удается сделать больше одной ошибки.

Но вот что лучше всего врезалось в память на курсах экстремального вождения, как называл их Райнер, – мощность двигателя. Как много значит избыточная мощность. Акселерация. Способность преобразовать химическую энергию топлива в кинетическую в кратчайшее возможное время. Под капотом “сааба” – инженерное турбо-чудо в двести восемьдесят лошадей с приемистостью как у “феррари”. Смесь бензина с воздухом компримируется и через сложную систему цилиндров, ремней, валов, через шестеренки коробки передач превращается в мощную, направленную вперед силу. А сейчас, в момент наивысшего напряжения, мотор рычал, как раздраженный лев. Спину вдавило в сиденье, будто сзади его подпирала чья-то огромная нога.

Мир вокруг быстро темнел. В зеркале заднего вида громоздилась темная масса, и хотя “сааб” летел с огромной скоростью, растущий вал мрака не отставал, а неумолимо приближался.

И все же настиг. С чудовищным ревом, который буквально оглушил Адольфа, накрыл машину и придавил ее гигантским брюхом.

Последней мыслью Адольфа было вот что: он подумал про машину. Машина... кокон, панцирь, крепчайшая раковина, защищающая его хрупкое тело. Он чувствовал себя голым, когда покидал водительское кресло. А за рулем и плечи становятся шире, и взгляд умнее, и жизнь получает вектор – только вперед. Как и у всех опытных водителей, грань между человеком и машиной почти незаметна, а иной раз и вовсе исчезает. Кузов – как часть твоего лица. При парковке чувствуешь, как невидимое заднее крыло приближается к соседней машине, и ощущение, будто это не лакированный металл, а твоя щека. Люди, наплевательски относящиеся к своей машине, не в состоянии позаботиться и о собственном теле. Он сам вывел этот закон и ни разу не встретил его опровержения. Даже мысль об интимных отношениях с женщиной, приехавшей на свидание на немойтой машине, приводила его в дрожь. И он не понимал людей, разъезжающих на старых, чихающих, поцарапанных и ржавеющих “комби”. Это уже не машина. Средство передвижения, не более того. Вроде ходунков. Так некоторые парни щеголяют в драных спортивных костюмах, но никакого отношения к достатку эта манера не имеет. Не то чтобы у них не хватало денег, нет – обычная лень. И конечно, каждый достойный этого звания автомобилист обязан иметь мини-пылесос. У него лежит такой в левом дверном кармане, под рукой, – изящный лакированный приборчик, и он пользуется им постоянно. Воткнул штекер в гнездо для прикуривателя, поводит наконечником по коврикам и между сиденьями – работы никакой, а ощущение совсем другое.

Вот именно этот настрой и подвигнул его к покупке “сааба”. Эта модель выпущена всего-то в нескольких десятках экземпляров. И в самом деле – двигатель уникален. В конце восьмидесятых несколько финских конструкторов на фабрике “Вальмер Линнавуори” в Нюстаде получили задание: уместить под капотом восьмицилиндровый двигатель. Главному инженеру Мауно Иливакери пришла идея сложить два четырехцилиндровых мотора под углом, в виде буквы “V”, и таким образом избежать увеличения моторного отсека. На испытаниях на немецких автобанах машина легко достигала 250 километров в час. Конструкция оказалась и точно рассчитанной, и надежной.

Решено было использовать двигатель в новой программе саабовских лимузинов. Удлинили “сааб-9000”, усилили раму, поставили пуленепробиваемые стекла и кое-какие прибабасы, явно навеянные бондианой. И под капот воткнули финское изобретение.

К сожалению, в дело вмешался совладелец “сааба”, автомобильный гигант “Дженерал Моторс”. Американцы настояли, чтобы в лимузинах использовали их собственный шестицилиндровый мотор. Таким образом Адольф Павваль оказался обладателем раритета – лимузинов с восьмеркой наверняка осталось не больше десятка, а то и меньше.

Этот экземпляр несколько лет принадлежал бельгийскому посольству в Стокгольме, потом какой-то VIP-контуре, возившей поп-звезд из “Гранд-отеля” в Глобен⁹ на концерты. Потом “сааб” дежурил на Стуреplane, подбирая подгулявшую золотую молодежь, не пугающуюся бешеных расценок. Наверняка много чего происходило на заднем сиденье – и трахались, и баловались кокаином. Кожаные сиденья сзади... не скажешь, что с иголки, хотя он, когда купил это чудо, возился с ними много часов: чистил специальной жидкостью, смазывал и полировал. Иногда, если запустить вентилятор на полную мощность, до сих пор можно уловить легкий запах тонких бельгийских сигарет. И марихуаны – если принюхаться.

Счастью его не было предела. Достаточно взяться за ручку дверцы – сделана по специальному заказу, скрытая, чтобы не перебивать линию кузова, металл нежный, как масло. А чего стоит мягкое, но мощное, сытое чавканье дверного механизма! Ничем не хуже “роллс-ройса”.

⁹ Глобен-Арена – крытый стадион в Стокгольме в виде шара, используемый также для рок-концертов. Самое большое сферическое здание в мире (диаметр 110 метров).

Наверняка пробовали десятки вариантов, прежде чем добились такого звука. А взять водительское кресло с многоточечным ремнем безопасности. Шесть точек! Поначалу он похотывал – чего только не придумают, чтобы сшибить побольше бабок! Но решил все же попробовать – и тут же почувствовал, как сиденье меняется: бортовой компьютер учел рост, вес и с миллиметровой точностью выставил все углы так, что казалось, будто кресло и в самом деле сделали по слепку с его спины. Он всегда прибегал к этому сравнению. И не только кресло – наклон штурвала, джойстик автоматической коробки, все будто сделано именно под него, Адольфа Паввала. Впервые в жизни он осознал, что значит правильная посадка за рулем. “Формула-1”. Реактивный истребитель. Или “Звездные войны”, вихрь космического боя: маленький челнок маневрирует между ослепительными лазерными лучами, уходя от погони.

В таком сиденье и вправду можно пересечь Вселенную.

Именно эта дурацкая мысль пришла в голову Паввалю в последние секунды. Он, независимо от сознания, продолжал гнать машину в никуда – чисто рефлекторно, как никогда остро ощущая таинственную связь между совершенной конструкцией и собственным телом. На крышу обрушилась ревущая тьма – внезапно, будто кто-то повернул выключатель, – а он все равно продолжал давить на педаль газа. Машину наклонило, пуленепробиваемые стекла залила какая-то слизь. Все исчезло, остались только смутные контуры чего-то, чему нельзя подобрать название.

Что ж... он встретит неизвестность в идеальном водительском кресле. Конец не хуже, а может, даже и лучше других.

Адольф крепко сжал обтянутый итальянской кожей штурвал – и очнулся.

Галлюцинация. Ему привиделся кошмар.

А на самом деле он успел.

Ушел.

“Сааб”, не снижая скорости, мчался по мокрому норрботтенскому¹⁰ шоссе, а в зеркало он видел постепенно отдаляющуюся и расползающуюся бесформенную рыжую гору, тут и там обрастающую гребнями белой, а кое-где ржавой пены.

Кит. Кит его проглотил, но он, как Иона, вышел из чрева кита.

Как и Иона – живым.

¹⁰ *Норрботтен* – провинция на северо-западе Швеции.

Глава 12

Хенни лежала в объятиях мужчины, которого презирала так, как не презирала ни единого человека во всем мире. Даже не в объятиях, а на его коленях. Лежала на коленях именно этого мужчины и извивалась, как ящерица, стараясь принять более достойное положение. Рев двигателя заглушал крик, кабина раскачивалась из стороны в сторону, и только Хенни пробовала встать, как очередной воздушный ухаживатель в корне гасил ее намерение.

– Кончай брыкаться! – прорычал Винсент.

Скотина. Опять взялся командовать. Ну нет, пусть забудет раз и навсегда.

Она опять попыталась подняться, бедро уперлось во что-то твердое, и вертолет заложил такой крутой поворот, что засосало в животе.

– Хенни, мать твою...

Только сейчас она сообразила, почему он рычит, – она же лежит на рычаге и мешает ему управлять вертолетом.

Ну хорошо. Дело серьезное. Не хватало ей только рухнуть на землю и распрощаться с жизнью на пару с этим сукиным сыном. И причину оглушительного рева она тоже поняла: дверца, оказывается, по-прежнему открыта и ее ноги болтаются в воздухе.

– Черт-те что! – Винсент силился перекричать шум двигателя и свист ветра.

– Что?

Он ее не слышит, поняла Хенни, и крикнула еще раз:

– Что?!

– Пусто... все исчезло...

Хенни, извиваясь ужом, полезла на пассажирское кресло. Сантиметр за сантиметром. Винсент вознамерился ей помочь, схватил за задницу. Козел и есть козел.

Наконец ему удалось захлопнуть дверцу. Сразу прекратился разбойничий свист ветра в кабине, заметно стих рев двигателя. Она кое-как устроилась в кресле, перевела дыхание и выглянула в иллюминатор.

Он прав. Все исчезло. Ничего нет, кроме жидкой, вспененной, скрывшей обжитую землю бесконечной массы воды.

Вертолет завис метрах в сорока. Под ними, где должно быть русло реки, ограниченное четкой береговой линией, – сплошное серо-бурое море.

– Я в-видела... я ее видела... – заикаясь, прошептала Хенни.

– Кого?

Хенни надела наушники, подогнула к губам гибкую змейку микрофона. В наушниках, как всегда, что-то хрипело и потрескивало.

– Реку.

– Река? Это река?

– Черт бы ее побрал со всеми потрохами.

– Река? Этого же не может быть!

Вертолет, натужно рыча, поднялся повыше. Видимость сразу резко ухудшилась из-за непрекращающегося дождя и тумана. Винсенту хотелось хоть как-то оценить масштабы происходящего на его глазах конца света. Поляна, где только что стоял его вертолет и была контора, исчезла. Этот всемирный потоп забрал у него все.

– Вон там! – крикнула Хенни. – Вон там, ниже по течению... продолжай туда.

Зачем, подумал он, но подчинился. Ему было все равно, куда лететь. Сдвинул рычаг газа вперед и прибавил скорость.

– Быстрее! Быстрее!

Хенни протянула руку, будто и в самом деле собралась перехватить рычаг. Он послушно прибавил обороты. Сто восемьдесят километров. Не понять – то ли передается вибрация машины, то ли это у него трясутся руки. Ландшафт двигается навстречу... собственно, назвать ландшафтом то, что он видит, вряд ли возможно. Сплошная грязная похлебка, мутные водовороты, в которых крутятся стволы, сучья, доски, лесной мусор, выломанный угол какой-то постройки – кто знает, может, и не какой-то, а его конторы.

Винсент посмотрел по сторонам – надо бы определить, где границы наводнения. Вдали виден лес, но, скорее всего, не устоит и он. Крестовый поход реки против поработителей.

– Гляди, гляди, вон там... – Глаза Хенни расширились и словно остекленели.

Винсент никак не мог сообразить, где они находятся. Да, наверняка под ними бывшее русло, но береговой линии нет. Словно ластиком стерли. Летние домики, тропинки, которые он знал наизусть – и с высоты, и ногами исходил, – ничего нет. Все стер неумолимый ластик.

И наконец понял, на что показывает Хенни. Дракон. Гидра. Что-то такое, чего нет и не может быть на земле.

Он снизил скорость, почти завис и смотрел как зачарованный, не в силах вымолвить ни слова. Гигантская волна сметала все на своем пути. Столетние сосны гнулись и ломались, как хворостинки. Теперь уже даже приблизительно не скажешь, где русло реки, а где совсем недавно был берег.

Он с трудом оторвал взгляд от завораживающего зрелища и посмотрел в другую сторону. Непостижимо... Поворот головы – и все как обычно. Тихий осенний дождь. Вон тот аккуратный бревенчатый сруб – это же летний домик Ниссе Паловаара! С баней и сортиром-скворечником. Винсент сто раз бывал у него в гостях. Они парились, потом пили пиво в предбаннике.

Через пять секунд домик Ниссе Паловаара будет сметен с лица земли. Четыре. Три. И когда вздыбившийся поток уже почти достиг поляны, Винсент оцепенел. Во дворе стоит машина – красный “опель”. Неужели Ниссе взбрело в голову приехать в такую погоду? О господи... из трубы курится дымок! Топят камин...

Он хотел зажмуриться, но не смог себя заставить. Смотрел, как мутный вал смял крепкий сруб, будто это пустая картонная коробка из-под обуви. Крыша несколько секунд парила в воздухе, пока не обрушилась в поток.

Удушающий страх прошел тело, как электрический разряд. Как вонзенный в живот ледяной нож. Страх и сосущая, безнадежная тоска.

Вот сейчас, в эту секунду, погиб Ниссе. Ниссе Паловаара. В пятидесяти метрах от лобового стекла его вертолета.

А что там белое впереди? Катер... катер из стеклопласта, а в нем двое. Пожилая женщина на носу подняла голову и посмотрела на вертолет – лицо похоже на пламя свечи в черном канделябре дождевика.

И тут же заметила и то – другое. Схватила за щеки и наверняка закричала. Старик на корме, управлявшийся с мотором, даже обернуться не успел. Они исчезли, стертые все тем же беспощадным ластиком. От лодки, как ни вглядывался Винсент в несущийся поток, даже следа не осталось.

– О боже, – прошептала Хенни. Губы ее побелели.

Винсент прибавил скорость.

Вниз по течению все как всегда. Река, лес. Капли дождя на лобовом стекле. Осень – обычная норрландская погода.

Еще одна лодка. Рыбак спокойно выбирает сети. Винсент попробовал покачать машину – а вдруг парень догадается, что это сигнал тревоги? Но тот только небрежно помахал в ответ.

Он уже мертв. Ему осталось не больше тридцати секунд жизни. Тут все кончено. Надо лететь дальше по течению, обгонять вал наводнения, тогда, может быть, удастся кого-то спасти.

– Радио! – крикнула Хенни. – Сообщи по радио!

Винсент нажал кнопку вызова. Тут же ответил диспетчер в Каллаксе. Винсент сообщил свои данные и вдруг запнулся. Как описать то, что происходит? Какими словами?

– Наводнение... надо объявить тревогу.

– *Please repeat.*

Нейтральный, даже равнодушный голос.

– Наводнение! Черт знает что... прямо позади меня... людей смывает, как муравьев...

Срочно объявите тревогу!

– *Flood?* – Пауза, сухой электрический треск в динамике. – Вы сказали, наводнение? –

Диспетчер отказался от традиционного в переговорах с бортами английского и перешел на шведский.

– Волна такая, что... Цунами, черт бы его побрал!

– Цу-на-ми? – скептически повторил диспетчер.

Не поверил. Винсент беспомощно посмотрел на Хенни. И главное слово произнесла именно она:

– Суорва.

– Да-да! – чуть не закричал Винсент. – Суорва! Наверняка Суорва! Прорвало дамбу в Суорве, всю пойму заливает! Надо срочно предупредить людей. Звоните на телевидение, на радио...

– Подождите... *Stand by.*

Мобильник, спохватилась Хенни. Надо срочно позвонить... и тут же вспомнила: мобильник лежит на пассажирском сиденье пикапа.

– Где твой телефон?

– В сумке.

Хенни дрожащими пальцами отстегнула замок портфеля, достала телефон Винсента и набрала 112.

Абонент недоступен. Попробуйте позвонить попозже, – посоветовал металлический голос.

Хенни выругалась.

– О нет... – простонал Винсент. Только не это! Еще один...

Рыболов из самого аристократического клана – ловит на мушку. Ритмично взмахивает длинным удилищем, вода мирно обтекает высокие, до пояса, резиновые сапоги.

– Надо его предупредить!

– Как?

– Открой дверь!

Винсент круто пошел на снижение и завис над рекой. Вода покрылась рябью.

Рыбак поднял голову, и Винсент с удивлением обнаружил, что это вовсе не рыбак, а рыбачка. Женщина.

– Уходи! – крикнула Хенни что есть мочи. – Потоп!

Женщина покачала головой и показала на уши – что можно услышать в реве мотора?

– Беги! – Хенни яростно махала рукой, показывала направление. – Беги!

Женщина достала бумажник, покопалась и вытащила зеленую карточку: все в порядке.

Все уплачено, ловлю по закону.

Решила, что вертолет принадлежит инспекции рыбнадзора.

– Опустись еще!

– Не успеем... не успеем...

– Беги-и! – изо всех сил заорала Хенни.

Женщина опять пожала плечами, пошла к берегу. Наклонилась над рюкзаком и стала собирать принадлежности.

– Нет, нет... беги!

– Хенни, она тебя не слышит...

– Беги, беги, беги!

– Смотри... вода уже здесь.

От горизонта катился тяжелый, обрастающий пеной вал. Женщина замерла. Теперь увидела и она. Увидела и поняла: слишком поздно.

– Я спускаюсь, – услышала Хенни в наушниках решительный голос Винсента.

О том, чтобы приземлиться, не могло быть и речи: неровный каменистый берег, тут и там обросшие мхом валуны. Он завис в двух метрах над землей и встретился с женщиной взглядом. Она инстинктивно присела на корточки, не отводя глаз от бешено ревушей над ней железной громады.

Винсент показал жестом, что делать.

Она не тронулась с места, парализованная паникой. Негнущимися руками отбросила удочку.

– Быстрее! Хватайся.

Пенистая гора была уже совсем близко. Оставались секунды. Она собралась с духом, подпрыгнула и вцепилась в полоз шасси.

Вертолет качнулся. Винсент быстро изменил угол лопастей и прибавил газ. Машина начала подниматься – отчаянно медленно, как ему показалось. В каком-то метре под ними пронесся ревуший поток.

– Держись! Держись! – повторяла Хенни почти беззвучно: она сорвала голос.

Винсент медленно летел над лесом, ближе к холмам, и высмотрел подходящую грунтовую дорогу, вблизи которой не было никаких деревьев и кустов. Завис над землей и ощутил короткий, почти незаметный рывок вертолета вверх, когда машина избавилась от лишней тяжести.

Посмотрел на зеленую фигурку внизу – женщина опустилась на землю и закрыла лицо руками.

В шоке, конечно. Но жива.

Глава 13

Девушка-гидролог билась в истерике, но и в истерике продолжала извиваться, пытаюсь освободиться. Барни Лундмарк ухитрился просунуть руки ей под мышки и сцепил пальцы в замок. Она визжала, кусалась, изворачивалась, и если бы не его силища, точно бросилась бы к порогу – на верную смерть. И поймал-то он ее в последнюю секунду.

– Да успокойся ты, черт бы тебя побрал!

Какое там! Завопила еще громче. У Барни даже уши заложило и немного затошнило. Отхлестать бы по щекам – говорят, лучшее средство при истериках. Открытой ладонью по щеке – никому и в голову не придет назвать это рукоприкладством. И помогло бы наверняка, только не выйдет, руки сцеплены за ее спиной.

– Се-е-си-ли-и...

Такой пронзительный дискант, что и тиннитус¹¹ заработать недолго. Настолько невыносимо пронзительный, что он стиснул ее покрепче и услышал странный звук. Будто кто-то сухарь надломил.

Девушка внезапно замолчала, потом вздохнула – едва слышно, почти умоляюще. Барни осторожно ослабил хватку. Но она даже попытки удрать не сделала, только согнулась и прижала обе руки к груди. Барни не сразу понял – должно быть, ребро сломал. Что за женщины пошли! Хрупкие, как... и в самом деле – как сухари. Соленые палочки. Должно быть, кальция не хватает, мало молока пила.

– О-о-о... – еле слышно простионала девушка. – Сеси-и-или...

– Сесилия? Это твоя подружка, что ли?

Никакой реакции.

– Хочешь сплавать за Сесилией?

Она встрепенулась и снова затихла.

– Я спрашиваю – подружка? В школе вместе учились?

Сразу видно: не просто подружка. Закадычная подружка. Тогда понятно.

Барни опустил девушку на землю и посмотрел на дамбу. Ему самому хотелось завопить, но сдержался. Тут-то и разница между мужчиной и женщиной: женщины кричат, а у мужчин кричит тело. Мелкая дрожь, мышечные волокна извиваются на костях, как змеи.

Зрелище непостижимое. Все водохранилище пришло в движение. Не только Суорва, но и вся система озер, удерживаемая этой чертовой дамбой. Каждую секунду вода выискивает новые щели в бетонном каркасе. Суорваяуре, Вуокаяуре, Алемусьяуре, Аккаяуре... миллионы миллионов тонн воды. Какие там щели – уже никакие не щели. Ревущий водопад, прорвавший нелепое сооружение, четверть часа назад называвшееся дамбой. Все многонедельные, непрерывные осенние дожди по незаметной дождевке, по капельке слились и превратились в машину для убийства. Как Шварценеггер в фильме: только что была безвредная ртутная лужица, и вот пожалуйста – Терминатор.

В ста метрах от него ревел взбесившийся водный континент.

Барни с надеждой посмотрел выше по течению, туда, где озеро постепенно таяло в обступивших горах, – но нет. Зря надеялся. Уровень воды нисколько не упал. Сколько же это может продолжаться? День? Неделю? Кто знает... Ясно одно: наводнение будет шириться, пока уровень воды не сравняется с уровнем в Ботническом заливе.

Девушка-гидролог вскочила, высвободила руку из-под дождевой накидки и начала махать. Каждое движение наверняка причиняло боль, но это ее не остановило. Барни проследил за ее взглядом и только тут заметил, что дамба смыта не полностью. Осталась одна неболь-

¹¹ *Тиннитус* – хронический шум в ушах.

шая бетонная секция, метров двадцать-тридцать. Она торчала в заливе, как единственный зуб у древнего старика. Последний часовой гигантского сооружения, но и этому огрызку жить осталось недолго.

Девушка продолжала махать. Тогда увидел и он. По стене уцелевшей секции карабкалась женщина. Добралась до более или менее пологого места и замахала в ответ.

Подружка. Подумать только – тоже уцелела.

Глава 14

Ловиса еле успела ухватиться за конек, как в ту же секунду на дом обрушился гигантский вал вздыбившейся воды. Удар был настолько силен, что дом сорвало с фундамента и повернуло на четверть оборота. Вот-вот развалится. Словно сработал колоссальный экскаватор.

Ребенок... что будет с ребенком? Она судорожно сжала дымовую трубу. Снизу донесся тяжелый металлический хруст – очевидно, свалился камин. Конечно... что же еще? Свалился камин, потянул за собой дымоход. Труба вырвалась из рук и с грохотом провалилась в дом – Ловиса каким-то чудом зацепилась за край оставшейся на ее месте зияющей рваной дыры. Торчащие лохмотья кровельного железа распороли руку, но боли Ловиса не чувствовала. Вообще ничего не чувствовала, кроме разрывающего душу, близкого к безумию ужаса.

Дом оказался в самой середине потока. Река... то, что она видела, нельзя было назвать рекой. Ничего похожего. Серо-коричневая блевотина – мелькнула мысль. Весь мир заполнился блевотиной.

Сильный толчок – вода принесла поваленную березу, довольно толстую, ее ветви чуть не смели Ловису с крыши под звон крошащихся стекол. Дом накренился еще сильнее; теперь, если отпустить руки, точно не удержаться – соскользнешь. Снова натужный, предсмертный скрип, и дом вместе с березой повернуло, как игральный кубик, – и наконец-то чертово дерево унесло потоком, но дом начал качаться, как старая, разваливающаяся телега. То и дело слышались глухие удары стволов, камней на дне... но он держался! Домик, на вид такой хрупкий, держался в бою с неравными силами. Хрупкий?

Йельмар. Как его звали? Йельмар. Йельмар Нильссон.

Или Юханссон? Нет, Нильссон. Точно Нильссон.

Детское воспоминание – скрюченный нелюдимый старик на велосипеде, вечный холостяк. Хмурая физиономия, зеленая ветровка, клетчатая кепка с большой, обтянутой тканью пуговицей на макушке. Этот домик был его последним подвигом – он начал его строить, когда ушел на пенсию после долгих лет работы в транспортном управлении. Никаких чертежей, все в голове – и удивлявшее всех понимание дерева, унаследованное от отца, деда и прадеда. Никаких нейлеров¹², никаких циркулярных пил – обычная ножовка и тяжелый молоток. Дети как замороженные смотрели на его работу, как он соединяет доски в хитрый замок. Кто-то спросил.

– Ласточкин хвост, – улыбнувшись, сказал Йельмар Нильссон, внимательно оглядел толстую доску и недовольно отложил в сторону: – Эта не пойдет. Свилеватая.

Балки с десятикратным запасом прочности, устрашающие шестидюймовые гвозди, излишне массивные доски, но кто об этом думает, если все из собственного леса. На пилораме что сороковку, что двадцатку, что вагонку на двенадцать для внутренней обшивки пилить, все равно. Никаких новомодных штучек вроде ДСП или гипсолита. Вагонка, правда, обходится подороже.

И так балка за балкой, доска за доской, тесно, прочно – ничто не должно повредить его дому, мечте всей жизни. И сотни гвоздей – как в вышивке крестом. Там, где другие забивают один, он забивал четыре.

Здесь, в своей крепости, он и прожил свои последние годы, упрямец Йельмар. Недолго, всего несколько лет, – а потом умер. Не было у него ни семьи, ни друзей, дом достался какому-то племяннику или племяннице с юга. Племянник или племянница тут же продали его какой-то супружеской паре – Ловиса никогда их не видела, ни мужа, ни жену. Дом Йельмара. Никто иначе не называл.

И как теперь оказался кстати этот его пунктик: главное – попрочней!

¹² Нейлер – гвоздезабивной пистолет.

Упрямство Йельмара спасло ей жизнь. Упрямство и мастерство давно умершего старика в смешной кепке с пуговкой.

Глава 15

Лена Сунд побросала все свои принадлежности и пустилась бежать. Не оглядывалась. Не видела, как обрушившийся вал смыл дам-художниц. Они так и сидели со своими мольбертами и планшетками у самой воды. Услышали рев и глазам своим не поверили: какой мотив! Невиданное зрелище! К тому же зрелище настолько непривычное, настолько чуждое пониманию правил мироустройства, что глаз отказывался его толковать. Наверняка безобидное природное явление, оптический обман. Вроде северного сияния. Только не сияние, а наоборот – надвигающаяся лавина мрака. Пейзаж внезапно покачнулся и пришел в движение... ого, это что-то новое. Они так и не осознали смертельную опасность. А если и осознали, то в самые последние секунды, и не все. Только две женщины вскочили и бросились бежать, но было уже поздно. А остальные так и сидели, парализованные священным восторгом, – ни один норрботтенский художник никогда такого не видел!

И ведь это всего лишь вода! Куда девалась шелковистая мягкость, ласковая прохлада... Даже брызги, принесенные ветром за секунду до катастрофы, были остры, словно пущенные из лука стрелы. Вал обрушился, как каменная стена, как товарный поезд, – каждая колесная пара наносит новый смертельный удар. Несколько секунд в бетономешалке, переломы, вывихи, но вряд ли они почувствовали боль: когда водная лавина унесла их тела, все уже были мертвы.

Среагировать успели только двое. Лена Сунд заметила опасность, когда уже поднялась немного по откосу, а Лабан стоял у самого берега, чуть не в воде, но мгновенно осознал, что происходит, и помчался вверх. Он выбрал другой путь – побежал наискосок. Поднимаясь по откосу, при этом как бы убежал от накатывавшегося вала. Хоть немного, но все же выигрывал время, подсознательно понимая, что до гибели рукой подать. Ноги работали, точно поршни в двигателе, легкие жгло. Лабан не оглядывался, но слышал, как за спиной нарастает рев взбесившегося органа, победный рев вырвавшейся на свободу и погнавшей за ним стихии. Он невероятным усилием воли заставлял себя бежать, крича от усиливающейся с каждым шагом парализующей боли в бедрах. Мышцы разъедала рекой льющаяся из каких-то желез молочная кислота. Лабан уже почти ничего не видел, кроме стробоскопа мелькающих деревьев.

Лена Сунд добралась до самой вершины откоса, и тут же стало ясно – это не спасет. Водная лавина накроет ее и здесь. Она побежала дальше, хромая и скуля от боли в подвернутом голеностопе. За спиной – предсмертный скрип ломающихся деревьев. Шале... ни за что не успеть.

В отчаянии оглянулась. Береза. Ухватила за развилку сука и полезла. Выше. Как можно выше, насколько сможет. Изо всех сил обхватила ствол руками и ногами и зажмурилась.

И пришел удар. Береза согнулась чуть ли не пополам. Лена не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, будто кто-то водил по ней огромной грубой кистью.

Она сама стала акварелью.

Глава 16

Адольфа Павваля приятно вдавило в эргономичное яйцеобразное кресло. Как младенец в материнском чреве, подумал он и полуприкрыл глаза, наслаждаясь целеустремленным жужжанием саабовской восьмерки. Тональность стала повыше. Или показалось? Беспокойно глянул на тахометр – да нет, показалось. До предела еще далеко. Какой там предел – по такой дороге двести пятьдесят не поедешь. Бензина много, мотор не перегрет, никаких предупредительных лампочек.

Руки все еще дрожат.

Время от времени он поглядывал в зеркало заднего вида. Расстояние от вздыбившейся на горизонте пенной горы медленно, но увеличивалось. Да, “саабу” доверять можно. Отец год за годом нахваливал свою “вольво-245”: мотор выносливый, как верблюд, если что, так, по мелочам, самому легко починить – свечи там или мембрана в карбюраторе. Чудо надежности. Если бы гарантировали заправки на дороге, на луну бы съездил. Четыреста тысяч туда, четыреста обратно – о чем говорить.

Но “сааб”, да еще такой, – совсем другое. Речь не о надежности и не о легкости ремонта, а о радости вождения. Радость вождения – дело не последнее. Это, конечно, правда: в современных машинах и свечу поменять – полмотора выложишь на клеенку. А то и на станцию ехать – нужны, видите ли, специальные, патентованные инструменты. Все это так, но... а удовольствие? Даже сейчас, после пережитого, он наслаждался, слыша, как позвякивают бутылочки в мини-баре за спиной. Этот лимузин как сшитый у столичного портного смокинг. Шеститочечный ремень безопасности не то чтобы нигде не давил, о таком и думать нечего, – вообще не чувствовался. Капли дождя вспыхивали на лобовом стекле крошечными мгновенными фонтанчиками. Водная лавина за спиной постепенно удалялась. Он ее обгонял.

Натянул дьяволу нос. Лимузин спас его от верной смерти.

Слегка снизил скорость, и вовремя: из-за поворота на большой скорости навстречу ему летел голубой “опель-астра”. Комби. Адольф подергал изящную ручку дальнего света: остановись, остановись, поворачивай, черт бы тебя побрал! Какое там – короткий воющий аккорд, и “опель” просвистел мимо. Даже скорость не снизил. Он успел встретиться глазами с водителем – женщина, довольно молодая. Наверняка решила, что ее предупреждают: на дороге олени или что-то в этом роде. Она заметила опасность, но слишком поздно. Визг тормозов, зад занесло, но развернуться не успела. Адольф увидел в зеркало, как многометровый вал ударил машину в бок. “Опель” несколько раз перевернулся и исчез в кромешном хаосе. О дьявол... у женщины не было ни единого шанса спастись.

Надо срочно звонить... и как он раньше не догадался? Не снижая скорости, вытащил мобильник и, удерживая левой рукой руль, большим пальцем набрал номер экстренной службы. Но телефон мертв, даже сигнала соединения нет. Еще раз – без толку. Неужели здесь такое плохое покрытие? Попробовал набрать Анн-Марию в Люлео – та же история.

Отрезан от мира. Но надо же как-то предупредить людей. Господи, какая беда... Если сейчас запасться расстоянием, можно попробовать быстро сделать хоть какое-то ограждение. Подтащить поваленное дерево или что-то... какие-то вещи из багажника.

О дьявол... еще один.

Машина на встречной полосе. Старый красный “пассат” с выгоревшим лаком. С прицепом, укрытым полощущимся на ветру зеленым тарпаулиновым¹³ тентом.

¹³ *Тарпаулин* – толстый плетеный водонепроницаемый полиэтилен, предназначенный для изготовления тентов, укрытий и т. д.

Павваль опять начал лихорадочно дергать рычажок дальнего света. Должен же хоть этот понять – что-то не так! Надо остановиться! Водитель “пассата” после секундной паузы помигал в ответ. Не понял... ничего не понял. Подумал, что-то с прицепом не в порядке, – тент сорвало или что-то. Посмотрел в зеркало – вроде все на месте. И поехал дальше. Адольф надавил на сигнал и замахал рукой: остановись! Остановись же, черт бы тебя!

Успею, нервно подумал Павваль и снизил скорость.

У того, другого, остается несколько секунд. Всего несколько секунд, чтобы принять решение: жить или умереть. До Адольфа внезапно дошло, насколько нереально все происходящее. Водитель “пассата” наверняка в полусне после долгого дня за рулем. Дорога хорошая, встречного движения почти нет – и вот на тебе: всего несколько судорожно тикающих секунд отделяют его от гибели. И выход только один – бросить машину и искать убежище в шикарном лимузине неистово сигналившего чужака. Совсем молодой парень...

Нет, кажется, понял. Заметил приближающуюся лавину, что-то огромное и бесформенное. Пара мгновений, чтобы поверить в невероятное. И ударил по тормозам так, что завизжали шины. Прицеп начало мотать из стороны в сторону, занесло на встречную полосу. Адольф с ужасом осознал: столкновение неизбежно. Тяжелый, укрытый зеленым тентом прицеп, сзади торчат доски – наверняка парень надумал что-то строить. Еле успел вывернуть руль, но помогло мало. Доски, хоть и по касательной, задели бок лимузина. Адольф рефлекторно вывернул руль, и “сааб” съехал в неглубокую придорожную канаву.

Прицеп сорвался с крюка и перевернулся.

“Сааб” взревел, выбрасывая из-под колес гравий. Адольф уже слышал знакомый глухой рев, теперь гораздо ближе.

На этот раз не успеть.

Он намертво вцепился в руль, откинул голову и зажмурился.

Глава 17

За всю свою долгую жизнь Гуннар Ларссон так и не научился плавать. Так уж получилось. Хоть и вырос на берегу Стура Люлеэльвен. Река присутствовала в его жизни, она всегда была рядом, а вот плавать так и не выучился. В какой-то степени, наверное, виноваты и родители – строго-настрога запрещали ему ходить на берег без старших. И тем более одному. Крутой каменистый откос с невысоким, но все же обрывом. Мать чуть не ежедневно нудила про бездонные омуты и коварные воронки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.